

О том, как Клара Цеткин делилась коммунистической прессой, а Луначарский едва не погубил библиотеку

<http://oralhistory.ru/talks/orh-391-392>

13 августа 1974

Собеседник

Рудомино Маргарита Ивановна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 13 августа 1974 и опубликована 16 октября 2020.

Введение

Маргарита Ивановна Рудомино не случайно называет Библиотеку иностранной литературы своей «старшей дочерью». Вся жизнь Маргариты Ивановны была связана с этой библиотекой, она ее придумала, организовала и долгие годы возглавляла. Свою историю и историю библиотеки она рассказала в пяти беседах Виктору Дувакину и Марине Радзишевской. В первой беседе Маргарита Ивановна рассказывает о саратовском детстве и переезде в Москву после смерти родителей. Не успев начать работу в быстро распущенном Неофилологическом институте, в 1921 году Маргарита Рудомино решает начать дело, которое станет делом ее жизни: она начинает собирать из множества конфискованных частных библиотек книги на иностранных языках. В этой беседе она вспоминает, как ей пришлось уступить помещение в Денежном переулке Анатолию Луначарскому и его молодой жене, как она бегала к Кларе Цеткин за иностранной коммунистической прессой и как кормила своего сына в люльке из книг. Фотографии для этой публикации любезно предоставлены семьей Рудомино.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Я, Маргарита Ивановна, хочу услышать от вас всю историю не только Библиотеки, но и расскажите немножко о себе. Как вы к этой работе подошли (вы, вероятно, начинали ее и раньше), дайте о себе основные сведения. Уж теперь вам некуда деваться: год рождения 900-й, дайте точно, какого месяца и числа.

Маргарита Ивановна Рудомино: Ну, недавно мне исполнилось семьдесят четыре года. Это было 3 июля. Я еще и до этого и особенно сейчас постаралась как-то подытожить свою жизнь. В ней очень много интересного, очень много многогранного, в ней очень много красивого, в ней очень много, может быть, и счастливого, в ней много удовлетворения, но вместе с тем, я должна сказать, что жизнь, конечно, была очень сложная, трудная.

” В детстве я сама себя назвала «Ванькой-встанькой»: уж очень часто меня наклоняли, а я опять вскакивала на старое, прежнее место. И так вот до бесконечности.



Рита Рудомино. Балашов, 1903 г. Источник: архив семьи Рудомино

Вы знаете, очень многие люди, работая, отделяют резко работу от своей личной жизни, от семьи. А у меня моя работа, и моя семья, и моя личная жизнь всегда были вместе. И это не удивительно, потому что, если я вот сейчас подытоживаю, я должна сказать, что за это время моя Библиотека иностранной литературы из маленького библиотечного ядра сейчас превратилась в одну из крупнейших библиотек Советского Союза. И конечно, у меня очень большое удовлетворение, что мне своими руками и своими глазами, сейчас особенно, удастся увидеть то, из чего было сделано это прекрасное учреждение. И моя семья, которая состоит из очень хорошего человека моего мужа, моего большого друга (кстати, золотую свадьбу мы отпраздновали в этом году), и всегда он мне помогал, всегда он жил моей жизнью... У меня двое детей, которые, в свою очередь, сейчас уже очень хорошо устроены, у них уже свои семьи, которые тоже, может быть, иногда ревновали меня к моей «старшей дочери», как мы называли библиотеку, но все-таки тоже и помогали. Ну, и наконец, у меня растут два прелестных внука, которые, может быть, в дальнейшем и воспользуются тем, что сделано у нас в Советском Союзе в области зарубежной культуры и изучения иностранных языков. Хотя меня все ругают, что я как бы научила очень многих иностранным языкам, а со своими внуками я не занимаюсь. К стыду своему, я должна сказать, что старший, попав уже в специализированную французскую школу, как-то немножко знает, и то не моими усилиями, французский язык, а младший до сих пор еще даже не начинал. Ну, не в этом дело.

О своей семье

В. Д.: Сами вы из какой семьи?

М. Р.: Вот я хотела бы остановиться на том, чтобы рассказать о себе именно и о тех отдельных фактах, которые породили эту библиотеку. Ведь случайностей не бывает, и идеи не возникают сразу, в особенности идеи у шестнадцати-, семнадцати-,

может, двадцатилетней девушки, которой я была в то время, начиная библиотеку, тоже не возникают. Здесь нужно как-то остановиться и на прошлом. Я родилась с веком, как я уже сказала, определив мой возраст, и в моей семье основное (особенно это все шло всегда от матери) — это была такая культура: внутренняя культура и внешняя культура. Мы были не очень богатые, то есть совсем не были богатые. Это была та трудовая интеллигенция, которая жила на свой собственный заработок. Мать была преподавательницей иностранных языков. Отец — самый обыкновенный человек: он был агрономом, но он тоже тоже что-то такое вносил в дом. Ну вот иностранные языки, они меня как-то окружали с раннего детства. Все мои тетки были тоже преподавателями иностранных языков. В детстве моя мать брала меня дважды с собой за границу, когда она училась еще на летних курсах при Марбургском университете для преподавателей иностранных языков разных стран. Это было в 909-м году и в 911-м году. И я помню, когда я вернулась, я девочкам своим, учась в гимназии, говорила: «Подумайте, в Германии и во Франции какой образованный народ: даже извозчик говорит по-французски!» (*Дувакин смеется.*) Ну, конечно, подсмеивались, но это, вероятно, во мне было где-то так внутренне заложено. И я прекрасно понимала, что это не удел только одних богатых, что именно победнее, вот как наша семья, она тоже должна знать языки. Вот моя мать... Ну, моя мать знала языки благодаря тому, что она жила...



Элеонора Яковлевна Рудомино (Кноте), мать М. И. Рудомино. До 1915 г. Источник: архив семьи Рудомино

В. Д.: Какие ж языки?

М. Р.: Французский и немецкий.... Потому что она жила в Гродно, в Гродненской губернии, была очень близка с Польшей, с Варшавой, где обязательно изучался или просто знали второй язык, и вполне естественно, что и в доме, хотя мы уже из Гродно переехали в Саратов, тоже как-то язык все время культивировался. И мать со мной занималась не только музыкой, но и языками.

В. Д.: А у вас польский тоже был язык в семье?

М. Р.: Нет. Нет. Польского совершенно никогда не было.

В. Д.: А фамилия Рудомино — что такое?

М. Р.: Это литовская фамилия. Мой отец из Литвы. Нужно вам сказать, что...

В. Д.: Он вообще-то русский или литовец?



Иван Михайлович Рудомино с дочерью Ритой. 1914 г. Источник: архив семьи Рудомино

М. Р.: Он был русский, но, вероятно, когда-то в свое время, возможно, родился он литовцем... Я никогда о своем отце ничего не знала, потому что, как я потом выяснила, это очень скрывалось в нашей семье. Дело в том, что он был сын крепостного крестьянина. Родившись в 1858 году¹, он сам был еще крепостным. А после освобождения крестьян дед, вероятно, получил там какой-то надел, но отец очень быстро ушел из деревни, получив только образование сельской школы, и уже без образования пробивался в люди. Женился он на моей матери очень поздно: ему было за сорок лет. Моей матери было двадцать. Мать была совсем из другой семьи, хотя тоже это был такой пролетариат...

¹ Дата позднее исправлена самой М. И. Рудомино на 1860 г.

В. Д.: Не польско-литовский?

М. Р.: Нет, она из Риги, но родилась она сама в Гродно, и семья была... Бабушка так старалась дать всем детям среднее образование, а потом уже большинство из них сами получили высшее образование. И даже одна из сестер матери была преподавательницей — она была лектор русского языка в Сорбонне. Но это было очень давно, это было в начале 900-х годов, хотя потом она стала преподавать уже французский язык там же, во Франции.

Мать моя умерла очень рано. Она была педагогом немецкого языка в Саратовской женской гимназии и перед самой смертью перешла уже в реальное училище, была талантливым педагогом, была создателем методики преподавания иностранных языков и была одна из пионеров сегодняшнего так называемого аудиовизуального метода. И вот сейчас уже, через шестьдесят лет, ее имя встречается часто в педагогической литературе по преподаванию иностранных языков. И конечно, это была моя вина, что я как-то не сумела увековечить ее память и не сумела еще раз издать те ее труды, которые могли быть сейчас полезны при изучении иностранных языков. Ну, это уж мое, так сказать, будущее.

В. Д.: А она кроме немецкого вас обучала еще какому-нибудь языку? Какие у вас языки были в детстве?

М. Р.: Нет, у меня в детстве был в основном по гимназии только немецкий и французский язык. Она сама меня ни тем, ни другим, уже когда я училась в гимназии, не обучала. Еще в самом детстве, раннем, в какой-то части — немецкий. Но только после гимназии я говорила и на том и на другом языке.

В. Д. (удивленно): Гимназия давала такое?..

М. Р.: Она давала, мать моя безусловно давала. Мать моя преподавала всего шесть или семь лет в гимназии, и девочки, которые поступали в первый класс, в седьмом классе говорили на немецком языке. Нужно сказать, что у нас и французский язык был хорошо поставлен. Там было меньше, но мы очень часто оставались в гимназии с нашими классными дамами, которые тоже занимались с нами французским языком, играли в лото, играли в разные игры на языках, так что я тоже, не так хорошо, но тоже говорила на французском языке. И вот сейчас, зная языки, я должна быть благодарна и моей матери, и педагогам того времени, которые дали мне возможность говорить. Я еще говорю и на английском языке, но это я уже получила образование здесь, в Москве, окончив филологический факультет, вернее, факультет общественных наук Московского университета. Знала немножко шведский язык, изучая там же, ну, как всегда, немножко испанский, итальянский.

Вообще, если уже знаешь языки, то кажется, что ты уже можешь на всех читать. Ну, вероятно, это не совсем так. Но говорила я вот на этих трех более-менее. Я не могу сказать, что в совершенстве, но все-таки я знала. Но не в этом дело, а дело в том, что совершенно неожиданно для меня (мои родители умерли в один и тот же год), я четырнадцати-пятнадцати лет осталась круглой сиротой.

В. Д.: Значит, они умерли в каком году?

М. Р.: Мать умерла в 15-м году, а отец умер в 16-м году. И, оставшись круглой сиротой, вначале я была взята тетками, которые тоже были преподавателями иностранных языков, и одна из них имела курсы иностранных языков в том же Саратове. И окончив гимназию... Мне удалось окончить гимназию благодаря тому, что моя мать была преподавательницей этой же самой гимназии. Окончила я уже в революцию, в 17-м году. Ну, действительно, я была довольно далеко от...

Обучение в гимназии

В. Д.: Гимназию вы окончили в 17-м году?

М. Р.: В 17-м, а в 18-м я окончила в той же гимназии, но уже стала 3-я советская школа, специальный, девятый класс на аттестат зрелости, благодаря которому я могла поступить сразу в высшее учебное заведение.

В. Д.: В гимназии был восьмой.

М. Р.: Восьмой и девятый. Восьмой класс — это педагогический, он давал право на учительницу домашнюю, а девятый — это то, что называлось тогда аттестат зрелости, который давал возможность поступить уже в университет.

В. Д.: Значит, были женские гимназии, дававшие аттестат зрелости?

М. Р.: Да-да. Но это уже было, значит, в 17-м—18-м году. Я не могу точно сказать, но мне кажется, это уже скорее с революцией вместе пришло.

В. Д.: В 18-м году? В Гродно это было, так?

М. Р.: Нет, это в Саратове было.

В. Д.: Ах, в Саратове! В Саратове... Что ж там в это время было? Там комитет учредительного собрания в то время царствовал?

М. Р.: Нет, там был педагогический округ, который был в Казани, и педагогический округ, он ведал всем средним образованием Саратова.

В. Д.: Ведь это еще не Наркомпрос был?

М. Р.: Нет, не Наркомпрос.

В. Д.: Еще было старое ведомство?

М. Р.: Еще было старое ведомство, но я уже получила удостоверение об окончании восьмого и девятого класса от 3-й советской школы, в которую была реорганизована наша гимназия.

В. Д.: Значит, уже распространилось...

М. Р.: Так, ну теперь...

В. Д.: Значит, девятый класс — это как раз теперешнее... формально, это десятилетка, но, конечно, гораздо выше, вообще говоря, потому что...

М. Р.: Ну, как сказать. Я вот сейчас смотрю по своим детям смотрела, может быть даже сейчас начинаю смотреть по внукам: конечно, многие предметы здесь были гораздо шире.

В. Д.: Это я имею в виду именно языки.



Э. Я. Рудомино (в центре) с дочерью Маргаритой (в третьем ряду четвертая слева). Первая саратовская женская гимназия. 1912 г. Источник: архив семьи Рудомино

М. Р.: А языки... Тоже смотря где. Вот все остальные мои подружки из разных других гимназий, они не имели возможности разговаривать на языке. Я еще не сказала: моя мать организовала в восьмом классе специальность, педагогическую специальность по иностранным языкам — французскому и немецкому. Уже были в Москве и в тогдашнем Петербурге, были такие женские гимназии, которые имели право на домашнюю учительницу по языку, но в Саратове это было впервые, это ею были организованы, но с ее смертью они были закончены. Но, может, еще потому, что война была, тут было не до этого, и просуществовала специальность иностранного языка в Саратовской женской 1-й гимназии только три года: это примерно с 13-го по 16-й, до 15-го даже.

В. Д.: Это все как раз тоже надо фиксировать.

М. Р.: Да.

Переезд в Саратов и жизнь в нем

В. Д.: В Саратове вы очутились в результате, так сказать, военных действий?

М. Р.: Нет. Нет-нет-нет. Вот видите... Конечно, жалко, что я не говорю более подробно о моей жизни... Когда мне было девять месяцев, то мои родители переехали из Гродненской губернии, где мой отец работал, в Саратовскую губернию, куда был назначен мой отец заведовать казенным винным складом, это город Балашов. В Балашове мы пробыли несколько лет, и уже в 5-м году полностью переехали в Саратов.

В. Д.: Значит, не в Гродно прошло ваше детство?

М. Р.: Нет-нет. Все детство мое было в Саратове, начиная с... в Саратовской губернии, раньше было... 901-го года. И я прожила в Саратове до 21-го года, когда переехала полностью в Москву. Так что фактически все мое детство, за исключением части первого года, прошло на Волге, хотя Волгу очень мало знаю, потому что в то время в Саратове Волга была такая... недостаточно открытая река, потому что там и холера была, и... И нас не особо туда пускали.

В. Д.: И вы уехали как раз перед волжским голодом?

М. Р.: Нет, я уехала во время волжского голода. Я тоже вынуждена была его испытать, и этот самый голод, а перед этим я болела сыпняком, а сыпняком болела, оттого что... Окончив гимназию, мамыны все коллеги решили на совете меня поддержать, и мне дали возможность быть учительницей рукоделия в этой же самой гимназии. Но рукодельница я, вероятно, была уж не такая хорошая, а тут мне «подвезло» то, что начался голод и уже ни о каких нитках (это был 18-й — начало 19-го года), ни о каких нитках или каких-нибудь материях, где можно было бы заново шить, не приходилось. Там нужно было только штопать чулки. Я как раз штопала очень хорошо, так что этому я действительно научила, но тут же освободилось место библиотекаря, и меня назначили, поскольку голод был, и невозможно было в классах сидеть за рукоделием, меня назначили вместо учительницы рукоделия в библиотеку.

Библиотеку, надо вам прямо сказать, я как-то очень мало знала. Действительно, у меня была дома мамина была библиотека, но она вся была в основном на иностранных языках, потом у нее была специальная лингвистическая литература, и я ни о каких науках, в таком широком масштабе не... Впервые познакомилась уже в этой библиотеке и с удовольствием занималась, но в один прекрасный день помещение, где была эта библиотека, заняли под госпиталь, и начали все выезжать. Ну, лаборатории, которые были заняты, вот физический кабинет, химический кабинет — это очень быстро выехали,

а библиотека — книги не так быстро вывезешь. Ну, и при этом приходилось на своем горбу таскать. Я девочка была, вероятно, с очень большим чувством обязательств, хотя мне некоторые говорили, что нужно прекратить, потому что уже начинают привозить сыпно-тифозных солдат, но я все-таки бегала туда, перешагивала в вестибюле и, по всей вероятности, заразилась, и очень быстро меня уже уложили в лазарет.

В. Д.: Сыпным тифом?

М. Р.: Сыпным тифом. А после этого был возвратный тиф, а после этого был паратиф. В общем, я полгода проболела, но...

В. Д.: Это в 19-м?

М. Р.: В 19-м году, да.



Но, вероятно, это мне послужило на пользу, потому что я стала гораздо крепче после тифа, чем я была до него.

И я вообще помню... Моя мама умерла от злокачественного малокровия — это не наследственное, но предрасположение. Я тоже была в детстве очень малокровна. Всегда помню какой-то там гематоген, какой-то рыбий жир и так далее... А тут все это прошло, я стала с сравнительно хорошим здоровьем. Вот я дожила до семидесяти четырех лет и... *(Смеется.)*

В. Д.: И выглядите на пятьдесят четыре. *(Смеется.)*

М. Р.: Ну вот, тем более. Так. И вот тогда, после этого сыпного тифа и после того, когда... Мне нужно было, по всей вероятности, тоже как-то помочь, решили меня послать в Москву. И приехав здесь в Москву...

В. Д.: Простите, минуточку. Мне интересно, раз уж мы с вами попали в Саратов... Вы помните обстановку? Ведь там же как раз бои шли?

М. Р.: Нет. У нас как раз Саратов, вот, как это ни странно, вот Самара — были бои, Сталинград были бои, а в Саратове не были бои. Тамбов — были бои, вообще, кругом были, а в Саратове у нас была только внутренняя — у нас была большая контрреволюция. Я помню эту баржу на Волге², ну, которая стояла, потому что когда началась... Всякие заговоры и так далее, тогда было уже организовано ЧК... У нас полное началось расслоение. Вот тогда впервые я почувствовала то, что я не принадлежу ни к тем, ни к тем: я и не буржуазия никакая, потому что мои родители давно умерли, я самый настоящий пролетариат, но вместе с тем я не пролетариат, потому что я не рабочая и у меня не было никаких знакомых, наоборот, у меня были буржуазные подружки все знакомые. У меня был, я помню, в детстве, у меня был очень большой протест...

² Вот что пишет об этой барже член Саратовской городской думы И. Я. Славин: «В Царицыне, Камышине и Вольске были устроены «плавающие тюрьмы», куда десятками, чуть не сотнями, сажали этих несчастных карасей в качестве заложников. Саратов, конечно, не отстал в этом направлении. С середины лета заготовлялась и приспособлялась под тюрьму баржа, стоявшая на Волге под Приютским взвозом. Массовые аресты заложников здесь были начаты с вечера 25 августа (7 сентября по новому стилю); они продолжались всю ночь и весь следующий день». Волга. 1993. №1. С.169–175. // voencomuezd.livejournal.com/794175.html

В. Д.: Все время была советская власть?

М. Р.: Все время была советская власть. Все время.

В. Д.: Саратов не брали?

М. Р.: Никогда.

В. Р.: И чехословаки³ не брали?

³ Имеется в виду Чехословацкий корпус, бывший частью российской армии во время Первой мировой войны и летом 1918 г. устроивший мятеж в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Этот мятеж способствовал созданию антисоветских правительств на территориях, охваченных мятежом.

М. Р.: Нет. У нас чехословаков вообще не было. У нас был только ужасный голод. Вот это вот ужасно. И была внутренняя буржуазная контрреволюция, которая очень сильно мешала установлению порядка советской власти, но у нас никаких не было ни боев, у нас не было никаких смен правительства — у нас этого ничего не было. Голод был ужасный. Я никогда в жизни не забуду, и буду умирать, вероятно, буду помнить: как я шла по Немецкой улице, и в это время мальчик бежал с маленьким ведерком с каким-то там супом, и этот суп у него упал и разлился. И как он лег на живот и начал с пола эти крошки там пшеница или чего-то такого собирать. Это было ужасно! И себя я помню, когда я после тифа особенно, когда, вероятно, есть очень хотелось, я даже таскала у кого-то какие-то старые сухари, потому что просто я чувствовала очень сильный голод. Но так, чтобы уже совсем голодать — я не голодала: у нас был паек. Я уже тогда к тому времени работала в Саратове в этой библиотеке. Кроме того, я работала на курсах иностранных языков тоже библиотекарем, так что у меня было два места, где бы я могла получать карточки. Вероятно, я получала в одном месте, этого я уже не помню, во всяком случае, голодать я сама голодала, но не так голодала, как этот маленький мальчик, который подбирал...



Дети за играми в Саратовском детприемнике. 1921—1922. Источник: oldsaratov.ru

Переезд в Москву. Нефилологический институт

В. Д.: А уехали вы в 21-м году весной или осенью? В поволжский голод, в засуху вы уже уехали?

М. Р.: Я уже к этому времени уехала, да. Я приехала в конце 20-го года, вернее, в начале 21-го года в Москву в командировку. И здесь, в Москве, в командировке, мне предложили работу в Нефилологическом институте, и я...

В. Д.: Что это за институт? Нефилологический?

М. Р.: Нефилологический институт, который был организован как раз Гливенко Иваном Ивановичем как преподавателем итальянского языка и еще там целым рядом преподавателей для подготовки... учебного заведения для подготовки лиц со знанием иностранных языков, которые могли бы преподавать. Этому институту уже было дано помещение на Денежном переулке, угол Глазовского...

В. Д.: Это тот дом, где Луначарского кабинет?

М. Р.: Где Луначарского кабинет. И вот там началась наша библиотека.



Здание в Денежном переулке, где находилось первое помещение Библиотеки иностранной литературы. Источник: архив семьи Рудино

В. Д.: Или где Вахтангов жил, напротив?

М. Р.: Нет, именно сама квартира на Денежном переулке, куда в дальнейшем, в 24-м году переехал Анатолий Васильевич с семьей, она была передана Неофилологическому институту.

В. Д.: Это маленькая все-таки сравнительно для института...

М. Р.: Да, там было пять комнат. Ну, вероятно, для того времени это было, может быть, и неплохо.

В. Д.: Что же, там открыли уже курс первый, второй? И вообще это был институт учебный или это ученый?..

М. Р.: Нет-нет, это только начиналось. Это еще была разрушенная квартира. Это была квартира бывшего присяжного поверенного Мандельштама. Кстати, того Мандельштама, который где-то в начале 900-х годов помогал средствами Ленину, и я знаю, что сам Мандельштам эмигрировал в 18-м году, но Ленин дал ему разрешение вернуться обратно. Вот это его была квартира.

Но когда попал туда Неофилологический институт, до него жили безнадзорники и спалили весь паркет, срезали всю кожу и всю материю с диванов, вещей, которые можно было бы унести, уже никаких не было. Вероятно, конечно, не беспризорники брали, а это уже брала улица, хотя это и на пятом этаже, может, сами те жильцы, которые... Я уже не знаю. Но когда я приехала уже весной в это помещение, то его нужно было, безусловно, капитально отремонтировать.

В. Д.: Простите, еще об этом институте. Значит, это что за учреждение? Какая его цель?

М. Р.: Цель этого института была подготовка преподавателей иностранных языков.

В. Д.: Все-таки учебная?

М. Р.: Учебная, но вместе с тем с научным уклоном, с методикой преподавания иностранных языков, особенно уже в советское время, поскольку последние годы в школе иностранный язык очень принизился и, так сказать, подготовка учащихся была очень низкая, то были еще специальные курсы, предполагалось организовать, чтобы можно было подготовить уже как бы для поступления в высшие учебные заведения. Но вся эта организация была только в период организации. Но была печать уже, бланки были, было несколько преподавателей, и осенью должны были открыться. Я была... Когда меня пригласили, в феврале 1921 года. Но я была здесь в командировке в Москве и я должна была вернуться в Саратов. Из Саратова в тот момент не так просто отпускали, но мне удалось в Москве через... Ой, как это «Союзпечать» тогда называлась? Она как-то иначе называлась...

В. Д.: «Мосполиграф»?

М. Р.: Нет-нет-нет. Я вспомню. Ну, вроде «Союзпечати», которая ведала всеми журналами, газетами, новыми книгами — в общем, всеми изданиями Советского Союза...

В. Д.: Изданиями ведал ГИЗ.

М. Р.: ГИЗ, но это уже позже. Может быть... А это был...

В. Д.: Был отдел печати Наркомпроса, из которого уже в 18-м году организовался ГИЗ, так что я не совсем представляю себе, о каком...

М. Р.: «Центропечатъ»!

В. Д.: Ах, «Центропечатъ», агентство по распространению.

М. Р.: Да, «Центропечатъ». И через «Центропечатъ» мне удалось получить товарный вагон, и этот товарный вагон был весь загружен современной печатью, которая нужна была для Саратова: для саратовских библиотек, для саратовских организаций и так далее... И когда я получила этот товарный вагон, его надо было отправлять, а отправлять было не с кем. Тогда я решила, что сама я поеду. Ну, мне, конечно, тут же на вокзале проводник рядом сказал: «Девушка, милая, ну вы же понимаете, что вы живая не доедете, потому что это время, когда с фронта идут. И выбросят эту самую вашу печать, и вы ничего не сможете сделать. Тут нужно по крайней мере двух мужчин с наганями». «Ну, — я говорю, — этого не может быть: у меня никого нет, кто мог бы мне помочь». Я помню, что это был очень приятный такой старый рабочий, проводник, который сказал: «Ну давайте я возьму вас под свою опеку, но смотрите: не выходить, не топить и не показываться. Я вас закрою на замок. Вот вам кусок сала, кусок хлеба и вода. Если она замерзнет — ничего сделать не могу. Сколько мы будем ехать — не знаю. Может быть, и неделю».



Но на мое счастье я в таком запертом состоянии, вероятно, пробыла суток полтора-двое, не больше, потому что я не помню этого ужаса, который я могла бы испытать, если бы это было бы больше.

Ну, и я очень хорошо довезла его [груз] в Саратов. В Саратове это произвело такое большое... Ну, что ли... Я не знаю...

В. Д.: Впечатление?

М. Р.: ...впечатление, что, когда я попросилась отпустить меня в Москву, то мне уже губнароб, которому я тогда привезла вагон с центропечатью, меня сразу отпустил. Вот таким образом я уже весной, вернее, это было в июне 1921 года, я приехала в Москву.

Приехав в Москву, я застала уже конец этого Неофилологического института. Дело в том, что руководители института разъехались, они получили разные места. Вероятно, гораздо большие, чем просто организаторы этого Неофилологического института, и я осталась уже в августе месяце совершенно одна, через месяц. Уже по ассигновкам денег на содержание института не давали, уже счет был закрыт, преподаватели как-то разбежались.

В. Д.: Тогда никаких счетов не было.

М. Р.: Ассигновки были. Преподаватели разбежались, потому что надо было им с осени начинать где-то такое в другом месте, и я осталась в этой полуразрушенной квартире одна. И у меня действительно была еще одна помощница, которая немножко позже приехала, и осталась уборщица, которая тоже жила при этом институте. Кстати, я не сказала, что когда я приехала в Москву, то мне в этом институте, в мансарде, дали комнатку. И я там осталась жить.

В. Д.: Я хочу уточнить. Все-таки сколько ж месяцев? Он все-таки проработал несколько месяцев?

М. Р.: Он проработал начиная с февраля до августа.

В. Д.: Лето?

М. Р.: Лето.

В. Д.: Ведь это ж каникулы.

М. Р.: Да. Но это была чисто организационная работа. И после этого...

В. Д.: И никакого выпуска, ни одного?..

М. Р.: Нет! Боже сохрани! Там даже не было приема, не только что какого-нибудь выпуска. Там только была бумага, бумага, печать... Сохранилось в архиве, Центральном архиве. Когда я работала над архивом нашей библиотеки, я наткнулась на архив этого института. Там был план учебный, там были докладные записки по организации этого института, там были сметы бесконечные, там была мелкая переписка. Она и сейчас существует. Вообще, если написать бы историю, это было бы тоже небезынтересно, потому что там очень много интересных мыслей, которые переработаны были уже в советское время: старые программы еще дореволюционных институтов, вернее, курсов иностранных языков, которых довольно много было и в Москве, и в...

Первые попытки создания библиотеки

В. Д.: А Иван Иванович Гливенко как-то проявил все-таки себя?

М. Р.: А Гливенко, он был начальником Главнауки Наркомпроса и он перешел полностью туда, и уже никакого отношения и не имел... В общем, как-то очень быстро все разъехались.

Теперь, у меня. Мое положение было такое. Возвращаться мне в Саратов? Об этом, конечно, не могло быть и речи, тем более что мои те же самые приятельницы моей матери, которые меня не хотели отпускать, которые говорили: «Это сумасшествие! Девчонка! Одна! Без никого! [Будет] в Москве! Смотри, как бы не вернулась с животом обратно». Вот это больше всего, это самый был страх того времени. И после всех этих разговоров и после всего этого взять и вернуться в Саратов? Потом, куда я вернусь в Саратов? У меня уже все было закончено там. Я не могла. Теперь. Поступить куда-нибудь на фабрику? Меня не приняли: из интеллигентской семьи, в то время, в 21-м году, нельзя было даже об этом думать. Теперь, идти куда-нибудь так просто работать? Куда я пойду работать? Тем более что у меня здесь еще и жилище. Так что, возможно, что у меня, конечно, и было такое свое собственное желание себя как-то такое устроить. Но вместе с тем у меня было уже в тот момент, было... Ну, идейное — это слишком много сказать, но во всяком случае была мысль, что почему иностранные языки действительно не могут в советское время найти настоящее применение. Вот хотели же в Неофилологическом институте специально готовить преподавателей иностранных языков? Так давайте сохраним библиотеку, тем более что на Новинском бульваре, в бывшем особняке, по-моему, это Гагарина, который, кстати, в 41-м году туда попала первая бомба, там была Всесоюзная книжная палата, и она сгорела. Чей это дом был?

В. Д.: А! Не знаю, чей дом был, но...

М. Р.: Вот там, в этом доме был большой книжный фонд, куда свозились все книги из бывших помещичьих имений, из квартир безнадзорных, из квартир, где была конфискация, у многих литература, и там были десятки тысяч, может быть даже сотни тысяч [единиц] этой литературы... Она, в основном, была на иностранных языках. И я всегда даже как-то говорила: «А почему аристократия могла иметь эту иностранную литературу, на иностранных языках читать, а почему мы не можем то же самое читать?» Возможно, это мое происхождение, из семьи, где иностранные языки была плоть и кровь, где все зарабатывали деньги [этим]. Может, и во мне было то, что... какой-то такой идеал, что ли, человека, который говорил на иностранных языках. Я думаю, все это, вместе взятое. А самое главное то, что было именно советское время, когда все новое культурное начинание поддерживалось.

В. Д.: Да, это было так!

М. Р.: И, понимаете, когда я начала ходить в том же Наркомпросе и говорить, что вот все есть, есть помещение, есть книги и есть руки. Ну давайте это будем... И мне говорили: «Ну, девушка, ты же понимаешь, что у нас голодная, холодная, рваная»...

В. Д.: Москва.

М. Р.: «...сейчас Москва. А вы хотите с иностранными языками. У нас некоторые не знают русской грамоты, а вы хотите с иностранными языками!» А я доказывала: «Можно! Нужно!» Но большинство мне говорило: «Нет! Нет! Нет! Нет!» И так в течение дух месяцев почти ежедневно, как на работу, я ходила в Наркомпрос и каждого уговаривала и каждому доказывала, пока наконец я не попала к одному члену коллегии (кстати, фамилию я его не помню, но он страдал тиком, и я его очень хорошо запомнила и в дальнейшем, когда мне хотелось узнать его фамилию, я узнала и где-то у меня она даже записана). И я должна обязательно для будущих моих воспоминаний найти, потому что я ему очень была благодарна. Это человек, который сразу как-то быстро понял, и имея, вероятно, какие-то права, он ведал отделом педагогического образования, тогда был такой Главпрофобр...

В. Д.: Разве Главпрофобр уже был?

М. Р.: Был уже Главпрофобр. И вот в Главпрофобре он провел строчку «Неофилологическая библиотека». То был Неофилологический институт, а тут стала Неофилологическая библиотека.

В. Д.: Ага, он, так сказать, спустил это... Опытный...

М. Р.: Нет, это не было одно из другого. Это было совершенно отдельное. И вот вы мне сейчас подсказали: а в скобках «опытно-показательная библиотека». Вот так она называется и по первому уставу. И когда нужно было дать идею — ведь случайностей нет, нужно обязательно все-таки что-то такое определенное — вот идея и была взята из этого Неофилологического института, то есть не просто библиотека как таковая, но библиотека, которая берет на себя функции обучать иностранным языкам наш пролетариат с тем, чтобы они могли бы читать иностранную литературу. Вот была основа основ. Иностранная литература... Тоже мне нужно было бы сейчас сделать некоторые изыскания для того, чтобы выяснить, чем мы тогда владели. Ну, владели: основное — это были классики, это были Гёте, Шиллер, Гейне, Шекспир. При этом все это главным образом на немецком и французском языке, на английском гораздо меньше.

Но я тоже вспоминаю, что, когда эта строчка была сделана и когда был установлен штат в три человека и когда в эти три человека вошла уборщица, которая там же жила, ну, я, которая там же жила, и вот третьего человека мы брали по очереди из тех энтузиастов, которые хотели нам как-то помочь. А энтузиасты — это были преподаватели иностранных языков, которые были еще связаны с Неофилологическим институтом и которые, так сказать, уже имели другие работы, но которые очень бы хотели, чтоб такая организация вновь бы существовала.

Но теперь нужно было...

” Это был год очень тяжелый, потому что нужно было, во-первых, привести в порядок саму квартиру. Квартира не отапливалась, в квартире не было стекол, в квартире не было полов, в квартире не было обивки...

В. Д.: А разве Неофилологический институт не успел отремонтировать?

М. Р.: Нет-нет, этого ничего не было. Это было летнее время, тогда еще об этом не думалось. А осень пошла на то, чтобы ее бы сохранить, чтобы ее бы оставить. И поэтому застало меня это уже в октябре — в ноябре месяце. Это было очень тяжело, но за это время и я как-то немножко обросла друзьями. Ну, некоторые, которые хотели просто помочь мне. Видели, ну,

девушка одна, бьется как рыба об лед, конечно, с какими-то она фантазиями невероятными и вообще каким образом даже эта строчка получилась, они не понимали, но помочь они готовы были. Вот, в частности, был такой... Ой, сейчас вдруг забыла его фамилию... директор той же книжной палаты, который был уже... Тогда книжная палата была на... Нет, на Новинском бульваре, там был книжный фонд. Потом Книжная палата, потом, а в 21-м году сама Книжная палата помещалась там же, на третьем этаже, где «Правда», а «Правда» помещалась на улице Горького, на углу Пушкинской площади.

В. Д.: Знаю, этот дом и сейчас цел.

М. Р.: Сейчас там «Труд» и вообще какие-то другие газеты. На правой стороне Пушкинской площади. Вот на одном из верхних этаже была там Книжная палата.

В. Д.: Внизу там какие-то магазины...

М. Р.: Ну, внизу... Тогда еще плохие... тогда только-только начинался нэп, там еще были плохие магазины, но уже были, да, уже магазины были. И этот директор книжной палаты дал мне большие стекла. Но их нужно было доставить. И вот, я помню, я по этому... уже снег был, это был, вероятно, ноябрь месяц... И я шла с этими стеклами пешком, потому что трамваи, которые действительно ходили, можно было с пересадками... со стеклами не очень туда полезешь. Это было... я сейчас еще помню... два-три-четыре раза, которые я туда-обратно, туда-обратно, туда-обратно ходила с этими стеклами.

В. Д.: Значит, от Страстного монастыря на Новинский?

М. Р.: На Денежный переулочек.

В. Д.: Денежный переулочек. Ну, это не так далеко.

М. Р.: Не так далеко и, принимая во внимание, что мне был двадцать один год, конечно... Но сейчас бы я не могла бы себе представить, как я могла... Хотя нет, может быть, я и сейчас бы пронесла, если бы это было нужно. Вот. Потом там на пятый этаж нужно было, на Денежном переулочке, потому что лифта никакого не было. Самое трудное было, когда мы начали получать с Новинского бульвара книги. Во-первых, нужно было отбирать. Нужно сказать, что, конечно, отбора тщательного никакого не было, а лишь бы, потому что нам нужно было скорей-скорей, чтобы побольше книг было бы. В самом начале это был один шкаф, фактически, этот шкаф был просто учебников от этого Неофилологического института, которые как книги, которые бы можно было бы использовать, было очень трудно, тем более что они были во многих экземплярах. Но и когда стал вопрос о том, что преподавателей иностранных языков нужно было бы обеспечить, то я предложила, что у меня в Саратове остались мамыны книги и я могла бы их привезти. Я действительно очень быстро съездила в Саратов и их привезла, получив контейнер.

В. Д.: Контейнер? Ящик просто?

М. Р.: Ну, тогда это называлось не контейнер, но большой, да, большой ящик, который вошел в товарный вагон...

В. Д.: Слова еще не было...

М. Р.: Да-да, слова еще, конечно, не было.... Который вошел в товарный вагон, и перевезла даже с ним вместе некоторые даже мамыны вещи: шкаф, стол, ну там... Уж не помню, что еще — то небольшое количество мебели, которое у меня еще сохранилось. Таким образом, сразу библиотека пополнилась уже литературой по специальности. А Книжный фонд давал беллетристику: это классики.

В. Д.: Так, а Книжный фонд был в каких-нибудь взаимоотношениях с Книжной палатой или это другое совсем?

М. Р.: Нет, в тот момент Книжный фонд был совершенно самостоятельный и отдельный.

В. Д.: И из него снабжались библиотеки?

М. Р.: И из него снабжались библиотеки, но очень мало кто брал, потому что книг на иностранных языках никто не хотел брать.

В. Д.: А это специально только иностранные...

М. Р.: Нет, там были и русские.



Русские очень быстро разбирались разными библиотеками, а — большие залы там с огромными печами красивыми резными — все это бросалось туда...

В эти залы бросались иностранные книги и по-настоящему на иностранные спросы не было, кроме вот меня и двух-трех работников, которые частью безвозмездно, частью с оплатой помогали.

И уже так к декабрю месяцу мы набрали, вероятно, может быть, тысячи две книг, и они даже уже полки сделали. Отапливали печуркой. Кто-то за мамину подушку дал мне печку тут же, на лестнице, какой-то инженер провел трубу прямо в окно. Конечно, эта печка вечно дымила ужасно. Особенно большого тепла она не давала, потому что она стояла в этом большом двухсветном зале Мандельштама...

В. Д.: Из гнutoго железа печка, да?

М. Р.: Нет, чугунная.

В. Д.: Ах, чугунная! Это лучше.

М. Р.: Чугунная печка была, но она безумно дымила.

В. Д.: Выложена кирпичом внутри, да?

М. Р.: Нет, она не была... Чугунная, круглая.

В. Д.: Я знаю, круглая...

М. Р.: Никакого не было кирпича. Под низ были какие-то балки жуткие, ужасные... Ведь это 21-й год — вообще ж тогда у нас ничего не было.

В. Д.: Я помню такие печки. Кто их делал — непонятно...

М. Р.: Вот. Ужасно руки болели, ужасно — пальцы... Все это мерзло. Мы около самой печки сидели для того, чтобы записать все в инвентарь: книги и так далее. Затем, стекла. Не было замазки, для того чтобы стекла... Их как-то чем-то приколачивали... В общем, каждая вещь — это была сверхпроблема. Полы так и были выщерблены, потому что, я говорила, пол был на три четверти сожжен в камине, который был в этом же самом доме.

Да, я хотела рассказать, что это был весь дом Мандельштама, а наверху он сделал свою квартиру с двухсветным залом, с хорами, с антресолями, с мансардой. Вообще, квартира была такая очень подозрительная, подозрительного типа. Мне рассказывали, что в одном из наших журналов — «Русское богатство» или «Божий мир» — был роман даже о его жизни с какой-то там артисткой, какие-то афинские ночи были. И действительно некоторые следы в этой квартире мы находили. Но она была для нас ужасна тем, что ее невозможно было отопить, особенно вот этот двухсветный зал это чугунной печкой.



Внутри квартиры Мандельштама. Источник: архив семьи Рудомино

В. Д.: Какие следы после беспризорников могли остаться?

М. Р.: Но некогда было дрожать от холода, потому что в это же время уже начался вопрос о том: а зачем эта библиотека существует? Туда ни одного читателя нету, холод совершенно невероятный, какие-то там книги собираются — неизвестно. И уже пришла комиссия в декабре месяце, как раз в тот самый момент, когда печка безумно дымила, когда в этой большой комнате никого не было. Двое инспекторов прошлись по всему низу. Я в это время, вероятно, сидела наверху, в общем, я их не видала. На следующий день я получаю письмо за подписью помощника Ивана Ивановича Гливенко о том, что библиотека с 1 января существовать не будет. А это было где-то в середине декабря. Ну, я, конечно, чуть ли не с плачем, со слезами: «В чем дело? Что?» Вот мне и объяснили, что вот мол что это за учреждение, когда пришли — один дым, и больше никого нет там, и нужно его закрыть. Ну, я начала уговаривать, упрашивать — ничего. Ну, и тогда решили, что эту самую библиотеку передать Академическому центру с января месяца. И пусть Академический центр решает, что он хочет.

В. Д.: Что же это за Академический центр?

М. Р.: Главнаука называлась потом, а Академический центр был вначале. Это одно и то же.

В. Д.: Это не имеет отношения к Академии наук?

М. Р.: Нет-нет-нет. Академия наук тоже входила как учреждение в эту самую Главнауку. Академия наук — она не была отдельно.

В. Д.: Главнаука первоначально называлась Академический центр?

М. Р.: По-моему, она именно первоначально называлась. Потом она стала Главнаукой, а может, наоборот, это я теперь уже точно не знаю⁴. А потом она стала Сектор науки, но это уже Сектор науки она стала в конце 20-х годов, до 33-го года. А в 33-м году, когда была полная реорганизация Наркомпроса и была новая структура введена, тогда Сектор науки был ликвидирован. И тогда вот Академия наук получила права гражданства и стала совершенно самостоятельной.

⁴ В соответствии с Декретом Совнаркома от 11 февраля 1921 г., Главнаука, наряду с Главархивом и Главмузеем, вошла в Академический центр Наркомпроса.

В. Д.: Но все 20-е годы существовала Главнаука. Значит, вероятно, Академический центр был раньше?

М. Р.: До нее, до нее. Почему я сейчас вспомнила об Академическом центре, потому что мне сейчас попадались докладные записки на имя начальника Академического центра Ивана Ивановича Гливенко. И вот там, значит, была просьба сохранить эту библиотеку, но была резолюция все-таки передать ее во 2-й МГУ, который был как раз в этот момент организован. И там было специально организовано отделение иностранных языков, которым ведала Ганшина Клавдия Александровна.

В. Д.: Ну! Я же ее прямой ученик! Я у нее занимался два года. Замечательный человек.

М. Р.: И вот я пришла к Ганшиной Клавдии Александровне и ей говорю, что вот, мол, то-то, то-то, то-то. «Как ваша фамилия?» Я говорю: «Рудомино». Она говорит: «Подождите-подождите, как же это такое? Я знала одну Рудомино, которая в 12-м году делала доклад в Казани на съезде преподавателей иностранных языков». Я говорю: «Это моя мама». — «А где? И как? И что?» Нет, она, кажется, знала, что она умерла. Спрашивает: «А как же вы, что и как?» Я, значит, ей рассказала и... Нужно сказать, что она была очень суровая, особенно в самом начале, и она никаких знакомств, ничего... Но, вероятно, где-то в ней пробудилось какое-то чувство, ну, что действительно, ну зачем нам эта библиотека: там всего какая-то тысяча книг, неизвестно каких книг. Ну, была заинтересована, может, действительно вот этими маминими педагогическими книгами, но это всего-навсего один шкаф. Стоит ли, стоит ли все это разрушать? Из 2-го МГУ ходить на Денежный переулочек никто не будет. Значит, фактически, только она вот эту тысячу книг... И я объяснила, что эту тысячу книг можно заменить такой же тысячей книг, в этом же самом Книжном фонде взять их из Новинского бульвара.

В. Д.: Простите, я хочу уточнить. Я понял, что наоборот, если бы она вас взяла бы, то она бы вам помогла.

М. Р.: Нет. Она, именно оставив нас как самостоятельную... Вот я не могу себе представить, откуда у меня и сейчас, и в то время явилась вот такая полная уверенность, что если будешь самостоятельная, то это будет развиваться, а если будешь при, то развития не будет. Вероятно, где-то откуда-то у меня это было.



И я это должна сказать на протяжении всей моей жизни: только вот такая самостоятельная организация могла по-настоящему развиваться.

Ведь развитие этой Библиотеки иностранной литературы, оно ведь похоже на развитие всех научно-исследовательских институтов, научных музеев, научных библиотек, других... Вообще, учреждений того времени. И тогда, когда она идет самостоятельно и когда действительно выхлопываете одно с другим, одно с другим, одно с другим — с огромной энергией, убедительностью, необходимостью, что это нужно для государства, что это нужно советскому народу, — это всегда получалось. А тогда, когда это переходило куда-то и когда уже заинтересованности уже не стало и когда заинтересованность была той основной организации, а не филиала или отдела или части — то ничего не получалось.

В. Д.: Понятно.

М. Р.: Вот это, безусловно, красной нитью библиотеки... И библиотеку, кстати, все время хотели куда-нибудь присоединить: то к Библиотеке Ленина, то дальше, во 2-й МГУ, то еще к какой-то там библиотеке, то к разным институтам, к ИФЛИ... Одним словом, всегда, всегда кто-то находился, которому нужны были или помещение, или книги, или штат, — но обязательно ее куда-нибудь присоединить.

В. Д.: А не было риска тогда, что Клавдия Александровна, отказавшись от вас, [то] те, кто вас к ней послал, сказал бы: «Ну, вот видите, вас и там не берут, и тут вы ни к чему»...

М. Р.: Вы знаете, вообще это был риск, возможно, но вместе с этим люди все-таки, которые во главе стояли, они, конечно, понимали. Вот в дальнейшем во главе Главнауки стал Федор Николаевич Петров, старый большевик.

В. Д.: Ну, который последнее время был в Энциклопедии, умер недавно.

М. Р.: Да-да, умер недавно. Это крупнейший все-таки человек в отношении того, что он очень помог Библиотеке иностранной литературы. Он стал примерно с конца 23-го года начальником Главнауки и был, вероятно, так до 27-го года... И это вот время развитие библиотека получила очень большое. Очень много интересного он ввел. Он переименовал библиотеку в Библиотеку иностранной литературы. Он мне тогда предлагал, чтобы библиотека стала более универсальной. Я все-таки сохраняла такой филологический профиль и доказывала, что идей изучения культур, изучения иностранных языков — это основная цель этой библиотеки.

В. Д.: Значит, технической библиотека не была совсем?

М. Р.: Нет, в дальнейшем она была. В 48-м году было специальное решение Совета министров о том, чтобы библиотеку сделать универсального порядка, кроме техники, сельского хозяйства и военного дела. И все естественные науки стали в этой библиотеке. Ну, это уже другой этап, это уже вперед. И кроме того уже условия были совсем другие: уже было очень много разных курсов иностранных языков организовано в Советском Союзе и в Москве, в частности. Она уже потеряла уже то значение, которое она... была раньше, когда библиотека стала родоначальником Института иностранных языков. Но это в вашей же жизни было...

В. Д.: То есть сначала ВКИЯ — Высшие курсы иностранных языков...

Библиотека становится самостоятельным учреждением

М. Р.: Курсы, да. А до этого еще... Это очень быстро скажу несколько моментов развития этой библиотеки. Вот тогда, в 21-м году, удалось эту зиму...

В. Д.: Значит, вы отстояли?

М. Р.: Отстояла.

В. Д.: И стала самостоятельным учреждением...

М. Р.: Стала самостоятельным учреждением, как она была и до. Она с 21-го года уже стала самостоятельной. Но открылась библиотека только в апреле 22-го года. И поэтому вот сейчас, пятидесятилетие этой библиотеки, и вот правительство наградило библиотеку Орденом Трудового красного знамени, с момента пятидесяти лет открытия библиотеки: то есть апрель-май 22-го года.

В апреле мы открыли отдел выдачи на дом, а в мае мы открыли читальные залы. Но и здесь очень быстро пришло... Здесь пришла жалоба на нас о том, мол, «а кто читатель?» «Это старые салонницы, которым делать нечего, они читают старые французские, немецкие романы, вроде Жипа, Марлитта⁵ и тому подобное, и это нужно прекратить». И тоже пришла комиссия и тоже в этой комиссии нашлись люди, которые поставили вопрос (это уже перед ЦК партии) о том, что эта библиотека должна сохраниться, поскольку она дает уже большой... большую пользу приносит. И даже было сказано так: «Ну и пусть эти салонницы читают. И очень хорошо, что они читают Жипа и Марлитта, лучше, чем если бы они бы в эти коммунальных кухнях ругали бы советскую власть». (*Смеются*)

⁵ Жип (Гур) — псевдоним графини де Мартель (1849—1932) — французской писательницы, автора более ста романов и новелл о жизни французской аристократии и буржуазии. Э. Марлитт — псевдоним немецкой романистки Евгении Йон (1825—1887) — одна из наиболее известных немецких писательниц своего времени, автор многочисленных романов и рассказов.

В. Д.: Не помните, что там за люди были, нет?

М. Р.: Вы знаете, я не помню, но я помню... Я не помню фамилии, но я помню, что это были настоящие большевики, которые понимали, что такое культура и которые как раз говорили о том, как Ленин всячески способствовал тому, чтобы старую культуру не уничтожить, а старую культуру сделать достоянием советского народа.

В. Д.: Вы в это время уже были членом партии?

М. Р.: Нет, нет. Я членом партии стала только с 39-го года. В 38-м году я была кандидатом. Нет, тогда я именно была беспартийной, и тут было много всяких...

В. Д.: Вообще, трудно было... Заведующая... Хотя тогда...

М. Р.: Нет, в тот момент, в самом начале, не было трудно, потому что тогда смотрели на любого человека, который старался принести пользу, то его страшно поддерживали. Зато позже, конечно, находились люди, которые говорили: «Как? Во главе такого учреждения, хотя и пусть ею созданного, все равно не может быть беспартийный». А о том, чтобы взять меня в партию до 32-го года вообще разговора не было, а в 32-м году было, и я хотела и уже даже набрала несколько рекомендаций, но был закрыт прием до 36-го года. Нет, больше даже: до 38-го года... Там была еще группа сочувствующих, если вы помните, была такая. А уже только с 38-го года, когда стали принимать в партию, вот тогда и меня...

(*Провал в записи.*)

Но одновременно с теми комиссиями, которые приходили для того, чтобы проверить библиотеку и ее там прикрыть, закрыть, присоединить, были в обратную сторону комиссии, которые помогали. Например, в апреле 23-го года пришла комиссия МК РКИ. В тот момент МК РКИ — это была гроза, и когда она попадала — это уже жди чего-нибудь плохого. А эта комиссия, которая нам прибавила штат. Это вообще было небывалое. И я вспоминаю, что, когда я пришла в свой библиотечный отдел Главнауки и сказала о том, что у нас теперь должно быть тринадцать человек, а было каких-нибудь семь-шесть, то мне просто не верили, а уж когда получили официальный документ (кстати, они сохранились у нас в архиве, и это дало мне еще лишний раз вспомнить даже вот апрель 23-го года), они были просто поражены.



Маргарита Рудомино. 1923 г. Источник: архив семьи Рудомино

Ну, вот так вот проходила жизнь в библиотеке. Но мы сами, конечно, понимали, что тут нужно какого-то другого читателя. А для того чтобы привлечь читателя, нужно, чтобы он знал иностранный язык. Но здесь выяснилось, что очень много реэмигрировали вместе с революционерами из-за границы обратно в советскую Россию, которые в свое время из царской России эмигрировали. Эти люди знали иностранный язык, им очень нужна была современная печать, особенно коммунистическая печать, а ее почти не было. Она была в Коминтерне, но это было такого закрытого [типа], а открытого ни в одной библиотеке не было.

Знакомство с Кларой Цеткин

Ну, нужно сказать, что еще в 21-м году как-то случай помог мне познакомиться с Кларой Цеткиной⁶, мы когда-то были с ней — то есть не мы с ней, это я неправильно говорю, а меня взяли в ту ложу в цирк, где сидела и она. Ну, и она как-то так обратила на меня внимание: «И что?» Я говорю: «Вот сюда приехала» Она говорит: «Ну, заходите-заходите».

⁶ Маргарита Рудомино привычно называет Клару Цеткин Цеткиной.

И действительно, я сумела попросить секретаря, чтобы где-то вот в 22-м году, вероятно, это было уже во второй половине 22-го года, чтобы с ней поговорить. Я ей рассказала, что вот тут читают действительно салопницы старые, особенно это Арбат, тут очень много еще осталось, как тогда говорили, недобитых буржуазок, но вот хорошо было бы получить — рядом с нами общежитие Коминтерна, это люди, которые вечером тоже с удовольствием бы пришли к нам в библиотеку, это по Глазовскому переулку было общежитие. Она говорит: «Ну что ж, девочка, давайте мы сделаем так: я получаю со всего мира коммунистическую прессу, я буду прочитывать, а прочитанное вам передавать». Ну, я пришла один-два раза, было все довольно неудобно, а потом она же сама рационализировала. Она жила в одном из переулков Кропоткина, и всегда, когда я к ней приходила, в ее комнате был полумрак, ноги ее были закрыты пледами. Для меня это была совершеннейшая глубокая старуха: ей действительно уже было, вероятно, за семьдесят лет. И она так сказала, что вот справа — это новые газеты, которые я еще не читала, а слева — это те газеты, которые я уже прочла. «Значит, если даже я сплю, отдыхаю, можете войти потихонечку, забрать и все». Вот я так и делала. И когда я начала получать эти самые газеты, то появились уже те читатели, которые знали иностранные языки. Это была Rote Fahne, это была L'Humanité, это была... По-моему, L'Unità тогда уже она называлась⁷, нет, ну, в общем я не знаю, итальянская. Вот это самые основные коммунистические... Коммунистическая пресса. Особенно, конечно, читали Rote Fahne, это больше всего читали. И Rote Fahne я даже попросила, нельзя ли второй экземпляр, и Цеткина тоже устроила там у кого-то из ее коллег-революционеров она, значит, тоже брала и откладывала мне. Таким образом, Rote Fahne, который зачитывался до дыр, но некоторые можно было сохранять, и они сохранены и по сей день, находятся в анналах библиотеки.

⁷ Rote Fahne — газета немецких социалистов и коммунистов, основанная в 1876 г. Humanité — газета Коммунистической партии Франции. Газета Итальянской коммунистической партии Unità начала выходить в 1924 г. Из итальянских коммунистических газет в то время выходили Ordine Nuovo и Lavoratore.

Развитие библиотечного фонда

Вот так библиотека шла. Но тут уже почувствовалось, что все-таки надо обучать иностранным языкам, но как? Этот вопрос стал...

В. Д.: Простите, еще... Ну, а читальный зал у вас уже был?

М. Р.: У нас был читальный зал, но, знаете, на пятый этаж пешком идти не очень-то. Учащихся студентов было мало. Конечно, больше ходили уже люди такого пожилого возраста. За коммунистической прессой-то все бегали, другой прессы не было, а просто за книгой... В общем, читальный зал мало посещался. А что посещалось — это отдел выдачи на дом. Это брали, но там брали все-таки в основном опять-таки беллетристику.

В. Д.: И возвращали?

М. Р.: И возвращали, да, конечно, обязательно возвращали. Но тут мы уже беллетристику начали получать новую, совершенно неожиданно. Вот те руководители, которые из бывшего Неофилологического института уехали по другим местам, некоторые из них попали в Германию ведать комиссией по закупке книг за границей. И вот такой был Захар... дальше не помню... Гринберг, очень милый человек, он был в закупочной этой комиссии. И он стал присылать новые французские, немецкие и немножко даже английские романы. Для того чтобы получить как-то деньги, мы открыли отдел выписки книг из-за границы. И к нам пришли довольно много архитекторов как-то так одно [время], потом я помню медиков: это Ганнушкин и Хорошко.

В. Д.: О, только что записывали о Ганнушкине. Ганнушкин сам приходил?

М. Р.: Да. Борис... Толстый такой... Как же вы его могли записать, когда он давно умер?

В. Д.: О нем, о нем! Вчера запись была о нем.

М. Р.: Серьезно? А кто же у него остался? У него была слепая... Кто? Жена или дочь...

В. Д.: Нет, это не родные, а просто из учеников его или сотрудников, профессоров-медиков.

М. Р.: А он сам ходил на пятый этаж, потому что он так был заинтересован в новой литературе. «Международной книги»⁸ тогда не было, и только был один пункт, через который можно было получать, — это через нашу библиотеку. Он...

⁸ Акционерное общество (с 1930 г. Всесоюзное внешнеторговое объединение) «Международная книга», основанное в 1923 г., занималось экспортно-импортными торговыми операциями с книгами, периодикой, аудио- и видеопродукцией.

В. Д.: Это какой год?

М. Р.: Это 22-й. 22-й—23-й. Потом из архитекторов был такой Чернышев. Он был потом главным архитектором... Сергей... Тоже не помню отчества. Я его встречала в Суханово, и он вспоминал и говорил о том, что мы, библиотека, ему просто приоткрывали мир. Это же было то время, когда никакой литературы из-за границы не приходило, а он через нас выписывал даже архитектурные журналы. Жолтовский выписывал, затем Щусевы оба выписывали... Их три брата... Ну, я не помню...

В. Д.: Весниных три брата? А Щусев один!

М. Р.: Щусев один, один, простите. Веснины были, в общем, все...

В. Д.: Теперь это как раз улица Веснина⁹.

⁹ Имеется в виду Денежный переулок, который в 1933—1994 гг. назывался улицей Веснина.

М. Р.: Да, улица Веснина. Щусев был более активный наш заказчик. Ну, во всяком случае, потом стали уже из других городов: из Курска, из Воронежа. Из Университета, математики все: Люсгартен¹⁰, Лаврентьев, теперешний академик сибирского отделения, начальник, затем...

¹⁰ Вероятнее всего оговорка: имеется в виду Л. А. Люстерник.

В. Д.: А университетские? Лузин?

М. Р.: По-моему, да. Вчера или позавчера я где-то читала: умер Тумаркин. Вот Тумаркин был у нас, вообще вся эта плеяда математиков... И кстати, сын Гливенко, Валерий Иванович Гливенко, тоже математик, он тоже был здесь. Возможно, что сын-то и привел их всех. Знаете, когда один за руку приводит, то уже те, в свою очередь, приводят, и получается целая группа. Вот были архитектора, были психиатры, были математики...

В. Д.: Лузина не помните?

М. Р.: По-моему, да. Потом началось искусство. Но на искусстве... Вот Лазарев был Виктор Никитич... Но на искусстве сделалось немножко плохо, потому что уж очень были дорогие книги, их было очень трудно выписывать. Ну, значит, библиотека брала какие-то там комиссионные, вот на эти комиссионные, которые уже отчислялись там же, за границей, и нам присылали новую литературу. Благодаря тому что попадала новая литература, уже попадали к нам и переводчики, и мы, так сказать, открывали им мир. Вот Ланн Евгений Львович, если вы его помните вот с таким <нрзб>, с длинными волосами...

В. Д.: Нет, я не знаю. Лан?

М. Р.: Ланн, два «н». Он один из первых... Грифцов Борис Александрович, затем Кашкин Иван Александрович...

В. Д.: Автор книги о Хемингуэе...

М. Р.: Он потом стал даже нашим постоянным консультантом. Борис Александрович Грифцов тоже стал постоянным консультантом, Лозинский стал, Кельин. Эти переводчики, которые начали... Антокольский... Они начали выбирать уже новые книги. И Ланн, например, нам всегда говорил, что того же Конрада открыла ему библиотека. Затем, всех современных французских писателей открыл Борис Александрович через нашу библиотеку. А в дальнейшем уже, в 30-м году...

В. Д.: А Антокольский какой? Поэт?

М. Р.: Да, Павел. А в 30-м году было уже им же в нашей библиотеке организовано бюро переводов, которое в дальнейшем стало Группкомом переводов Союза писателей. И вот вся эта плеяда молодых переводчиков, которых обучили Грифцов, Кашкин, Лозинский, Кельин и другие, они вышли из недр нашей библиотеки.

В. Д.: <Нрзб> у вас была?

М. Р.: Да, конечно. Калашников...

В. Д.: Михаил Александрович...

М. Р.: Зенкевич. Мало того, он как раз жил даже у нас в библиотеке.

В. Д.: С него начались записи. Он первый у меня записан.

М. Р.: Ну он вспоминал Денежный переулочек?

В. Д.: Нет.

М. Р.: Нет? Жалко! Жалко! Он там жил. На хорах он там жил, его приютили в Москве мы, Зенкевича. Ну, тут немножко по родственным отношениям: его брат был женат на моей подруге саратовской. Он же тоже саратовский. И она упростила меня его устроить. И он жил у нас в 22-м—23-м году там, на Денежном. А потом, когда нас переселили, то он получил уже квартиру там же, где и я, на улице Кирова.

Курсы изучения иностранных языков

Ну, одним словом, библиотека стала искать новые пути для того, чтобы как-то привести свою идею пользы советскому народу уже в действие. Помимо того, что она давала возможность выписки книг из-за границы, давала возможность знакомиться с новой литературой, она решила как-то организовать кружки по изучению иностранных языков. Но для этого нужны были деньги — денег не было. Тогда Главнаука решила дать из своих фондов деньги, но с тем, чтобы мы учили сотрудников учреждений Главнауки. И была сразу организована довольно большая сеть курсов: для музеев, вот для Музея изобразительных искусств, для Третьяковской галереи, для научно-исследовательских институтов, там Институт морфологии, институт даже где-то в Загорске, Музей игрушки — вот эти все учреждения, которые и по сей день существуют уже как большие, самостоятельные, тогда они еще тоже были маленькие, и тоже пробивали себе так же путь, как библиотека пробивала. Мы с ними были очень тесно связаны тем, что они занимались у нас на этих курсах. Это было организовано еще в 24-м году. И после этого на базе этих курсов, на базе этих кружков были организованы уже курсы иностранных языков для Москвы, а в 26-м году — Высшие курсы иностранных языков, которые давали возможность подготовки преподавателей иностранных языков, а в 30-м году уже было на базе этих Высших курсов иностранных языков, был организован первый Институт иностранных языков в советском государстве, который сейчас носит имя Тореза и который находится на Метростроевской. Вот из него и вышел, из этих курсов...

В. Д.: А где сейчас находится? В бывшем рабфаке Бухарина, да? Большое здание с колоннами?

М. Р.: Да, с колоннами, да-да, а что, это?..

В. Д.: Бывший рабфак Бухарина.

М. Р.: А, может быть, может быть. Я просто не знала.

Смерть Ленина. Лишение помещения

Ну, теперь о событиях в самой библиотеке. Умер Ленин. Конечно, это потрясло всех. У меня еще это объединилось с тем, что я как раз перед этим вышла замуж. Мой муж из Киева, и он после похорон Ленина как раз, оставаясь здесь со мной, уехал в Киев. А я, все-таки пропустив, вероятно, недели две по крайней мере, судорожно переписывала все книги. Это был понедельник после похорон Ленина, и вечером холод был ужасный...

В. Д.: Да.

М. Р.: ...Руки все были синие, холод был в квартире ужасный, хотя это был уже 24-й год, это было 26 января 24-го года.

В. Д.: И на улице были сильные морозы.

М. Р.: Да. Ну, это своим чередом. Вдруг стук в дверь — и в комнату входит целая большая комиссия больших крупных мужчин. Что такое? Среди них управляющий делами Наркомпроса.

В. Д.: Наркомпроса или Совнаркома?

М. Р.: Наркомпроса. И среди них Анатолий Васильевич Луначарский, который посмотрел эту квартиру, это учреждение, и оно ему понравилось, он сказал: «Хорошо, я беру». Нужно сказать, что я была совершенно в стороне. У меня, конечно, страшно забилось сердце, ужасно я испугалась. И действительно, дня через два меня вызывает Федор Николаевич Петров и говорит, что «милая моя, должен вам сказать неприятную вещь, но ничего уже не сделаешь, мы вам поможем. Мы вам передали две комнаты в помещении ГАХНА». Это Государственная академия художественных наук...

В. Д.: На Пречистенке.

М. Р.: ...которая в то время помещалась: Кропоткинская, угол Большого Левшинского. Сейчас там школа, по-моему, музыкальная школа. Ну, я посмотрела это помещение. Это помещение было равносильно закрытию библиотеки. Все-таки библиотека в этих пяти комнатах — это было одно уже в 24-м году, а библиотека в двух малюсеньких комнатах — просто даже нельзя было поставить тех книг, которые уже на стеллажах стояли на этом пятом этаже.

Ну, я получила письменное распоряжение о том, что 12 февраля я должна освободить это помещение — это 24-го года — и что придут телеги. Но я в этот день решила...

В. Д.: Ну это драматично!

М. Р.: Да. я решила закрыть библиотеку, а сама ушла в Наркомпрос, так сказать, я на работе.

В. Д.: О, молодец!

М. Р.: И придя в Наркомпрос... Меня, значит, первым делом: «А как же книги?» Я говорю: «Я не могу — это равносильно закрытию библиотеки». Те говорят: «Ну вы поймите, что это есть распоряжение начальства. Мы ничего сделать не можем». Я — к Федору Николаевичу. И даже помню такой случай: я у него, значит, сидела... Это еще было... Тогда Наркомпрос помещался в «России»¹¹...

¹¹ Имеется в виду здание страхового общества «Россия», расположенное по адресу Сретенский бульвар, д. 6/1, стр. 1 и 2.

В. Д.: На Сретенском бульваре.

М. Р.: На Сретенском бульваре. И «Россия» вся эта была из маленьких квартир сделана, где нужно было перешагивать через пороги какие-то большие, и я сразу примчалась к Федору Николаевичу. Он на меня тоже большими глазами: «Ну как же можно, как же можно!» И я, дрожа, ему говорю, что нельзя... И в это время слышу рядом... А секретаря не было, а там кто-то такое сидел... Рядом в секретариате вдруг невероятный крик и, значит, стук. Я первая, он сидел за столом, я первая выскочила и я увидела человека, который бьется об пол. И я до того испугалась, до того испугалась, что я бросилась обратно к Федору Николаевичу, заткнулась за его стул и говорю: «Там делается что-то ужасное!» Я никогда не видала эпилепсии. А он врач. Он моментально вышел в секретариат. Там никого не было. Ну, посетитель какой-то, в этот момент у него припадок эпилепсии. Он очень быстро все это сделал, очень быстро его поставил на ноги и очень быстро вызвал там кого-то еще, его увели, а потом он возвращается, а я, значит, сижу дрожу.

Он говорит: «Ну как же вы не дрожали оттого, что вы сделали такое преступление! Вам в письменной форме было сказано, а вы приехали сюда и задрожали оттого, что увидели эпилептика!»

Ну, в общем, я уж не помню, плакала я или не плакала, но он как-то меня утешил. И уже мне показалось не таким ужасным все это дело. Он говорит: «Ведь ужасно то, что простояли же лошади, ведь лошадей-то нет, вы подумайте, когда мы еще сможем дать вам лошадей! И вы понимаете, что я не могу оставить безнаказанным такое положение». Но у меня уже как-то... Может быть, этот случай меня... Я уже вся была в нем и уже ничего не боялась и говорю: «Ну хорошо, давайте уж, что же делать, ничего не поделаешь, нужно перевезти, давайте перевезем». Вот.

Ну, я не знаю, каким это образом действительно через некоторое время опять приехали, там через неделю, что ли, приехали, перевезли, сложили штабелями и с разрешения того же Федора Николаевича я там не распаковывала, потому что я говорила, что это невозможно распаковать: их просто некуда поставить. Завалили обе комнаты этими книгами в пачках — и все. Ну и все это повисло как-то в воздухе.

В. Д.: А у вас не было мысли к самому Луначарскому обратиться?

М. Р.: Нет. Я боялась.

В. Д.: Все-таки он спасал, спасал, спасал и вдруг он сам в роли такого...

М. Р.: А что он спасал? К нам он вообще...

В. Д.: Нет, ну вообще, много же он спасал культуру...

М. Р.: Вероятно. Ну, одним словом, вот кто-то из моих архитекторов сообщил Малиновской. А Малиновская в это время была директором Большого театра и одновременно она была в ЦК.

В. Д.: Это Малиновская?..

М. Р.: Малиновская, старая большевичка.

В. Д.: Это что, жена Малиновского? Ах нет, тот провокатор...

М. Р.: Нет-нет-нет-нет, я не знаю, что с ней дальше было. Ну вот, и эта Малиновская, вероятно...

В. Д.: Не «дальше», а раньше.

М. Р.: ...Приостановила все это дело. Я знаю только то, что у Луначарского были неприятности, и я знаю, что у меня февраль, март и часть апреля было полное молчание. Я сидела на Денежном, жила там, и осталась библиотека, кроме книг, но она, конечно, была закрыта, и выжидали. А тут у меня кроме всего (*со смехом*) началось то, что делается после замужества, то есть прошло три месяца, и я оказалась беременной своим сыном.



Конечно, я ни одной минуты не хотела его оставлять, но мне некогда было пойти даже к врачу (*смеется*), и он так сохранился. Вот.

И где-то в начале апреля вдруг было решение о том, чтобы предоставить нам помещение в Историческом музее, помещение Музея восточных культур, который начинал организовывать профессор Авдиев. Я не знаю, был ли он тогда уже профессор, но во всяком случае, когда я с ним встретилась, это был для меня лютей враг, потому что я благодаря тому, что въезжала со своей библиотекой, уничтожила его институт.

В. Д.: И это для того, чтоб Анатолий Васильевич получил квартиру в пять комнат! Ай-яй-яй! Я не думал, то он такие вещи способен был делать. Ведь о нем столько хорошего сказано, что не грех сказать и то, что было.

М. Р.: Да. Ну, и в жизни получилось так, что я потом с Авдиевым встретилась, и сейчас мы с ним большие друзья. И он где-то мне как-то сказал: «Знаете, а я вам благодарен, потому что тот факт, что был ликвидирован Музей восточных культур, заставил меня пойти совершенно по другой линии. И может быть, я никогда бы наукой не начал бы заниматься и не стал бы тем специалистом, который я есть, если бы сохранился этот музей».

В. Д.: Музей же есть такой.

М. Р.: А это другой. Это уже никакого отношения не имеет. То был специально музей, который организовывался в 24-м году, и тут же он был и закрыт, поскольку не было помещения и он уже существовать перестал.

В. Д.: А потом его кто-то другой уже создал?

М. Р.: Да. Но значительно позже. По-моему, Музей восточных культур вот сейчас, после войны уже был создан.

В. Д.: Большое учреждение.

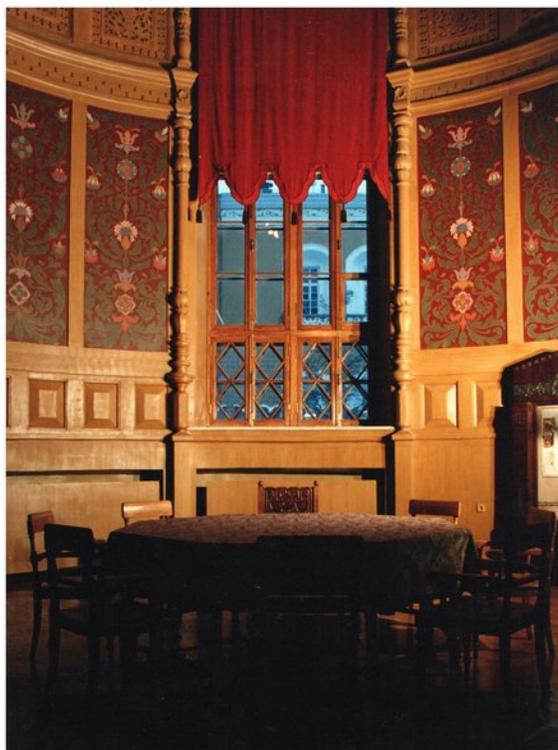
МГР.: Да-да. Это я знаю, сейчас, по-моему, им даже строят новое здание. Вот.

Переезд в Исторический музей. Развитие курсов иностранных языков

И мы переехали в Исторический музей. Я была страшно довольна, потому что Исторический музей получил прекраснейшее... месторасположение Исторического музея таково, что библиотека получила совершенно новое звучание. Сразу же пошел другой читатель, сразу пошла молодежь, на Красной площади было большое объявление о том, что библиотека дает консультации в изучении иностранных языков, что библиотека имеет кружки иностранных языков, что библиотека помогает в переводах на иностранных языках. Библиотека стала настолько полна, что уже в декабре 25-го года было дано новое помещение. Действительно, нужно сказать, Историческому музею было очень жалко, те три комнаты, которые мы занимали: это были при строительстве Исторического музея царские комнаты, специально для Александра III построены. Это была его спальня и его, значит, приемная.

В. Д.: Как комнаты Александра III? Ах, для московских приемов...

М. Р.: Да, там, где он мог бы останавливаться и то же было с туалетом, это было совершенно отдельно. Это при входе налево, за решеткой лестницы.



Помещение Библиотеки иностранной литературы в Историческом музее в 1924—1929 гг. Источник: архив семьи Рудомино

В. Д.: Главного входа?

М. Р.: Главного входа. Налево. Сейчас там обыкновенные большие залы, которые проходят (там пробита теперь уже стена) и проходят дальше. А раньше это была такая... отдельный отсек, отдельная квартира была. Ну, в общей сложности, нас оттуда переселили, переселили к Иверской часовне. Это была частная квартира Юрия Владимировича Сергиевского, брата Максима Владимировича Сергиевского. Он был в то время заместителем директора, жил при Историческом музее. Но, получив свою квартиру в личное распоряжение на Покровском бульваре, он переехал туда. А эта квартира, уже пять комнат, она действительно не имела уже никаких роскошных потолков, никакие украшения и никакие огромнейшие дубовые двери царского дворца, но это была обыкновенная очень хорошая квартира с хорошим расположением комнат, так что мы могли там организовать и читальный зал, и отдел выдачи на дом, и даже отдельные маленькие комнатки, где занимались иностранными языками, где проходили консультации иностранных языков. Кроме того, там же началась у нас такая литературная газета, хроника событий.

В. Д.: Каталог тут у вас был большой.

М. Р.: Каталог уже был. Вы бывали в этом здании?

В. Д.: Вот я помню только каталожную эту комнату.

М. Р.: Да, большой каталог был. И вот тогда мы, это уже был декабрь 25-го года, в 26-м году были организованы Высшие курсы иностранных языков. Филиалы для него, или помещения для него были на Самарском переулке. И потом были немножко позже, в 28-м году, они были в ВЦСПС...

В. Д.: В Серовском доме.

М. Р.: В Серовском доме на набережной.

В. Д.: На набережной около... Ну, там. Где теперь Астахов мост.

М. Р.: Да, где Астахов мост.

В. Д.: Вот там я не бывал. А вот почему мы ездим на Самарском...

М. Р.: Это школа была какая-то, и эту школу просто мы нанимали.

В. Д.: Там на партах сидели почему-то...

М. Р.: Да, совершенно верно.

В. Д.: Я там бывал в 29-м году. Вот я помню ваших преподавателей: Любарская — поэтический перевод, потом была... вот вы Рудомино, а вот была какая-то очень похожая фамилия... мадам...

М. Р.: Тарасова была. Это были у нее частные курсы иностранных языков, и она со своими курсами тоже влилась к нам.

В. Д.: Там еще какая-то мадам такая в длинном платье, совсем старомодная француженка... Помню, что я от нее узнал, как по-французски «пятилетка» — *plan quinquennal*. Нам надо было переводить... Мне казалось, что она тут же это слово сочинила.

М. Р.: Вообще, когда мы передавали курсы этому институту, у нас было около ста крупнейших специалистов, преподавателей, и около тысячи учащихся вместе с курсами общими иностранных языков, с этими кружками. Вообще такого большого успеха... Вероятно, необходимо было настолько все это, что ни в какие даже рамки оно не входило.



Если было бы пять Самарских переулков, то, вероятно, и они были бы полны. Такая была жажда изучения иностранных языков!

И к этому времени уже начался... Вот что нас реабилитировало полностью: к этому времени было постановление ЦК об овладении партактивами иностранными языками. И все вот эти вот... которым нужно было помещение, книги или штат — они сразу отпали для того, чтобы библиотеку закрыть, прикрыть, присоединить. Они сразу отпали. И уже больше как-то так о существовании этой библиотеки не стоял вопрос. Другое дело, потом дальше стоял вопрос о содержании ее работы. Ну, тут были всякие... и мнения всякие, а может быть, даже и наши ошибки, может быть, даже некоторые наши промахи. Это как в любом деле. Но уже вот к тому времени библиотека как-то себя зарекомендовала. Хотя это немножко было позже. Это было уже в 30-м—32-м году, тогда, когда мы переехали из Исторического музея в церковь в Столешников.

Ну, Столешников — это тоже целая эпопея. Она не интересна в смысле, может, самих иностранных языков, но в смысле того времени, как это делалось — это...

В. Д.: Одну минуточку. Мне хочется еще здесь задержаться немножко. Тут вы уже пошли таким быстрым темпом. Значит, с Денежного переулка вы все-таки выехали. Но у вас же были комнаты где-то такое, две...

М. Р.: Из ГАХНа нас сразу перевезли в Исторический музей, тут же, в мае 24-го года мы переехали. Кстати, я хотела вам сказать, что мне Федор Николаевич тогда дал выговор, а после вот для меня не известных всяких дел мне выговор был снят, тогда же был снят, и библиотеке было предоставлено прекрасное помещение. Библиотека на этом безусловно очень выиграла, очень выиграла.

Рождение сына. Семья. Учеба в Университете

Поскольку вы в самом начале попросили, чтобы я все соединила со своей жизнью, так я вам должна сказать, что в это время я окончила Университет без отрыва от производства. (*Улыбаясь.*) Действительно, как я вам сказала, Университет я кончала в течение шести даже лет: я в 21-м году поступила, а в 26-м я его кончила. Я его немножко с запозданием кончила (или я его в 25-м, кажется, кончила) из-за рождения сына, которого я называла тоже самым настоящим библиотечным ребенком: его мне кормить приносили в Исторический музей и клали прямо на книги и я его с книг... Это была его люлька (*смеясь*).

В. Д.: Минуточку, скажите, кто же ваш муж? Вы его характеризовали, но не сказали, кто же он, с кем вы пятьдесят лет... У вас золотая свадьба... Гуманитарный тоже или нет?

М. Р.: Вообще это тоже очень интересная вещь. Дело все в том, что одна из моих теток, сестра моей матери, была замужем за Юрием Николаевичем Москаленко, киевским преподавателем истории. А тетка моя, она была преподавателем иностранного языка в Лодзе, где в этот момент и Юрий Николаевич был. Там они познакомились: в 14-м году они поженились и переехали в Киев. После смерти моей матери меня на лето эта тетка взяла в Киев, и я познакомилась с братом Юрия Николаевича, Василием Николаевичем, то есть моим будущим мужем. Он на десять лет старше меня. Он был учителем русского языка в 1-й мужской гимназии. И Паустовский, рассказывая о 1-й мужской гимназии, говорит о всех своих учителях. Вот в этот год Василий Николаевич, в 13-м году, он пришел впервые педагогом в эту же самую гимназию, так что потом, когда однажды они оба встретились, Василий Николаевич с Паустовским, в Карловых Варах, они прямо целые вечера вспоминали (*с улыбкой*) об этой гимназии. Но они вместе уже не были...

В. Д.: Но они учились? Или...

М. Р.: Нет, Василий Николаевич поступил педагогом, а Паустовский как раз кончал.

В. Д.: Значит, он старше Паустовского?

М. Р.: Старше, да. Ему сейчас 84 года.

В. Д.: Он жив?

М. Р.: Да. То есть мой муж жив, и мы в этом году отпраздновали золотую свадьбу. И тут тоже, я девчонкой еще тогда, гимназисткой [была], я, конечно, в него влюбилась, как (я потом узнала) все девчонки были в него влюблены, хотя он был преподавателем мужской гимназии. И встретила я с ним уже только через несколько лет, в 22-м году. И в 22-м году, когда мы с ним встретились, то как-то так у нас уже, мы... Я, вероятно, в то время не произвела на него никакого впечатления, разве только жалостью, что девочка осталась сразу в один год без родителей и что будет дальше, и так далее... А тут началась революция, Киев был отрезан. Саратов был отрезан. Мы, значит, с теткой своей совершенно не виделись. И только в 22-м году я вот приехала в Киев. И в январе 24-го года мы поженились. Он приезжал сюда в Москву как раз вот перед смертью Ленина... Смерть Ленина как раз и совпала с его приездом сюда. Он был учителем и талантливым учителем, его очень хорошо помнят и даже сейчас ученики. Кстати, Борис Ромашов был его учеником — писатель, драматург. Потом вот брат Марцишевской был его учеником, то есть нет-нет-нет, брат Дынник был...



М. И. Рудомино с мужем В. Н. Москаленко. 1932 г. Источник: архив семьи Рудомино

В. Д.: Юрий Васильевич сам?

М. Р.: Нет.

В. Д.: Ах, брат Дынник, Валентина Дынник, как его зовут?

М. Р.: Николай, по-моему. Тоже сейчас не помню. Тоже они очень хорошо о нем вспоминают. Но когда Василий Николаевич приехал в Москву, у него началась горловая болезнь, и ему пришлось к тому времени... это благодаря этим холодным классам, которые были в революцию в Киеве. Ему пришлось бросить педагогическую работу, и он перешел на издательскую и был в «Работнике просвещения» долгое время.

В. Д.: В каком году?

М. Р.: Он с 24-го по 30-й в «Работнике просвещения» был.

В. Д.: Я как раз в это время тоже в «Работнике просвещения» был, я, правда, не в штате, но я там бывал часто. Как его фамилия?

М. Р.: Москаленко.

В. Д.: Не знаю... Но я мог и не знать, конечно...

М. Р.: А после этого он перешел в «Статиздат» и там до конца...

В. Д.: Какой «издат»?

М. Р.: «Статиздат». Статистическое издательство. После ликвидации «Работника просвещения». И был до своей пенсии.

В. Д.: Как «ликвидации»? Его реорганизовали, «Работника просвещения». Он до сих пор, собственно, существует.

М. Р.: Нет-нет. Его закрыли. Его ничего не реорганизовали, его закрыли тогда.

В. Д.: «Учпедгиз» же...

М. Р.: Ничего подобного. «Учпедгиз» — это отдельно был выделен из «Госиздата». Он в «Госиздат» частично перешел. Но только частично. Фактически он был закрыт, «Работник просвещения».

В. Д.: В 30-м году?

М. Р.: В 30-м году и не стало его. Василий Николаевич перешел вместе с ним в «Госиздат», несколько месяцев [поработал], а потом перешел в «Госстатиздат», где он до 56-го—57-го года, до пенсии, работал. Это исключительно благородный, исключительно честный человек. Это родной дядя Сергея Павловича Королева. Мать Королева — это его родная сестра. И сейчас... Мы с Королевым очень тесно связаны были всю жизнь, и сейчас живем вместе на даче с его матерью, то есть

с сестрой мужа. Это Мария Николаевна. А это — Василий Николаевич.

В. Д.: А Королев умер молодым, да?

М. Р.: Он умер шесть лет тому назад, шестьдесят лет ему через несколько дней... через несколько...

В. Д.: Меньше шестидесяти?

М. Р.: Меньше шестидесяти. Вообще, это ужасно...

В. Д.: Это что, уже в результате каких-нибудь катастроф?

М. Р.: Это отдельно...

В. Д.: Так, теперь еще минуточку, к этому же, мы сейчас переходим дальше к более позднему времени, а вот ваши университетские годы? Вы сказали так самокритично, что вы только зачеты сдавали, а серьезно не занимались. Но все-таки на лекции ходили?

М. Р.: Я была... Но знаете, это были первые годы обязательно и последние, а середина не было обязательно посещение, и вот где-то, вероятно, 23-й—24-й год я вообще не ходила. Вот 25-й — это нужно было какие-то дипломные работы сдавать и все это... и первые годы, 21-й—22-й, я еще была...

В. Д.: Ну, а кого вы помните? Павла Никитича Сакулина?

М. Р.: У Павла Никитича я никогда не занималась. Единственное только то, что мы жили в одном доме. Он тоже жил на Денежном переулке, вход с Глазовского, и я знала его семью, знала его, бывала просто.

В. Д.: Дочку его знали?

М. Р.: Дочку его знала и сейчас даже.

В. Д.: Она жива?

М. Р.: Она жива. У нее... Я не знаю последний год... Да, она жива. У нее свои дети, свои внуки, уже это все далеко, старики уже умерли давно.

В. Д.: А Павел Никитич в 30-м году умер.

М. Р.: Петерсон...

В. Д.: Петерсона знали?

М. Р.: Да. Потом знала, значит, Мюллера... Ну, Ганшину, она преподавала...

В. Д.: Может, у вас есть что рассказать о них, нет?

М. Р.: Ну, это можно будет каких-нибудь потом отдельно, потому что...

В. Д.: Нет, наверное, отдельно не стоит.

М. Р.: С Мюллером у меня была связь еще и такая саратовская, хотя он не приезжал в Саратов, но его большой друг был профессором Саратовского университета, по-моему, он умер очень молодым... Но так или иначе я Владимира [Карловича] хорошо знала и у него хорошо училась, его очень уважала. Но у него было трудно учиться, потому что я недостаточно хорошо знала язык. Это была интерпретация отдельных произведений Шекспира. Это было безумно трудно. Ну, я там для каких-то... для зачетов все это ему хорошо сдавала, и было такое впечатление, что я все это хорошо знаю, но на самом деле я, конечно, с ужасом это вспоминаю. То же самое у Петерсона...

В. Д.: Вот, Петерсон! У Петерсона нельзя было не заниматься.

М. Р.: Ничего я... Я тоже только готовилась к экзаменам и тоже опять сдавала те же зачеты.

В. Д.: А лекции не слушали?

М. Р.: Лекции я никогда не слушала. Записи у меня были, по записям я, конечно, штудировала, у меня довольно хорошая память была и, вероятно, у меня были способности к языкам, потому что сейчас все удивляются: я под диктовку на всех трех языках пишу совершенно без ошибок. Почему? То ли у меня зрительная память, то ли еще что, не знаю, то...

О знании иностранных языков

В. Д.: Лингвистически вам особенно не удалось работать?

М. Р.: Нет, никогда, и переводами я никогда не занималась... Единственно, что: когда у меня стала такая большая международная жизнь, когда я стала по три раза в год выезжать за границу как вице-президент Международной организации нашей библиотечной, все поражаюсь, как я быстро говорю на трех языках. Но я должна сказать, что я говорю быстро, но на самом деле я, конечно... Мне какой-нибудь доклад большой читать было бы, безусловно, трудно. Но я иногда ставила себе: что лучше — знать один язык хорошо или же три так, как я...

В. Д.: Ну, для вашей деятельности...

М. Р.: Для моей деятельности, конечно, три, как я. Это было незаменимо. Это было незаменимо, потому что и я становилась незаменима, я становилась незаменима на этих... синхронные переводы тут же, конечно, опять-таки не на большую

аудиторию, а в небольшом кругу. Но я переводила с русского на любой из этих трех языков, переводила с французского, немецкого, английского на русский все время и сама разговаривала. Действительно, конечно, очень глубокий — это мне бывало трудно, но бытовой, обывательский и даже профессиональный — это мне было довольно легко. И я пришла к заключению, что для меня это гораздо лучше, но все-таки я очень жалею, очень жалею, что я не нашла времени в своей жизни, чтобы по-настоящему... Мне очень немного нужно было бы, чтобы знать прекрасно языки. И второе: я не могу себе простить, что я не защитила кандидатскую, хотя у меня аспирантские экзамены были сданы еще в 48-м году. И очень много у меня печатных работ, я много довольно писала для Совинформбюро, и можно было бы из них сделать и книгу...

В. Д.: Но вы на организационной работе все время...

М. Р.: Но у меня никогда не было вот этих двух-трех-четырёх месяцев, которые я могла бы взять. Я помню, что, даже когда я бывала в отпуску, я всегда вечно дрожала: вот сейчас меня вызовут, вот сейчас будет получена телеграмма — и так оно и бывало. Вероятно, я была слишком... Может это и неправильно с точки зрения организации, что все было в моих руках, может, неправильно, но, возможно, я уж была такая. И мне гораздо больше нравилось тогда, когда я все это делала, чем вот в последние годы, когда уже у меня было полно заместителей и когда у меня был огромный штат, и когда мне было очень трудно, потому что... все-таки когда нужно было убедить, и такая внутренняя уверенность правоты своего дела — и я в этом деле не участвовала. И очень часто не выходило из-за того, что я не участвовала.

” А девиз моей жизни всегда был такой: если ты права, то ты добивайся до конца. Ты получишь раз отказ, два, десять, двадцать, тридцать, а на тридцать первый ты все-таки добьешься своего. Вот это действительно в моей жизни было.

И этим, как говорили, пробивная сила и могла сохранить это учреждение, и из этого маленького шкафа потом превратить ее в библиотеку с четырехмиллионным...

О встрече с Натальей Розенель

В. Д.: Так, расскажите, пожалуйста, подробнее до конца, как вы выезжали из этой самой луначарской квартиры.

М. Р.: Ну, тут как раз очень мало, что можно рассказать, потому что я была до того счастлива, что библиотека сохранилась и что можно было ее сейчас развить в самом центре города, что я уже сейчас и не помню... Книги были перевезены раньше в ГАХН, поэтому книги сразу, одним присестом был переведены туда, в Исторический музей. До этого были там сделаны полки. Конечно, уже здесь и Наркомпрос, и управляющий делами... вероятно, у них у всех были большие неприятности, вероятно, это все было сделано недостаточно хорошо...

В. Д.: За что? За то, что закрыли библиотеку или за то, что задержали въезд Луначарского? *(Усмехаясь.)*

М. Р.: Нет, за то, что они выселили учреждение из довольно хорошего здания. Может быть, это здание... Кроме того, они, вероятно, жалели, что это здание могло бы пойти еще на какое-нибудь учреждение... Ну, я уже здесь не знаю и не хочу знать. Я знаю только то, что помимо всего меня ужасно тошнило *(со смехом)* в это время, еще плюс ко всему я ждала ребенка, но вместе с тем я была до того счастлива и довольна, и когда в мае уже появилась масса народу и стояла очередь, когда вся зима была пустая, это меня, конечно, очень удовлетворило.

В. Д.: Как?

М. Р.: Зима-то... Ни одного читателя ведь не было. Зимой же была пустая квартира стояла, с февраля по май месяц. Пока мы не переехали — это февраль, март, апрель и май — четыре месяца. Ни одного читателя же не было, ничего. Единственное, что функционировало, — это выписка книг из-за границы. Это я помню, это приходило. И вот тут, конечно, вероятно, я рассказывала всем и все... Я не ходила никуда жаловаться, я боялась куда-нибудь жаловаться. Куда же мне можно было жаловаться? Но, вероятно, вместо меня кто-то такое сказал Малиновской, откуда и было все изменено. Потому что если бы мы остались в ГАХНе, то библиотека была бы закрыта — там она при все желании не могла... А ГАХН было такое учреждение, которое само было переполнено, которое не имело возможности... Ну, разве что только на потолке, потому что не было ни чердаков, не было ни подвалов, не было никакого другого помещения, которое можно было бы библиотеке дать.

В. Д.: Ну, а с Анатолием Васильевичем вы дальше не встречались?

М. Р.: Нет.

В. Д.: Так что у вас с ним так и не состоялось...

М. Р.: Так и не состоялось знакомство.

В. Д.: Вы, так сказать, сердиты были на него. *(Со смехом.)*

М. Р.: Да. Но у меня было с Розенель столкновение. Ну, лучше давайте об этом не...

В. Д.: Нет-нет, расскажите. Тем более, что Розенель книжка же сейчас вышла интересная.

М. Р.: Ну, не интересная, ничего подобного, «Память сердца»? Не, давайте лучше я другое расскажу. Теперь, когда Исторический музей стал нас выселять. Нас выселять стал настолько, что...

В. Д.: Нет, вы...

М. Р.: Вы хотите, чтобы обязательно я вам рассказала... *(Смеется.)*

В. Д.: Да, Это интересно. Можно. Ничего. Это-то как раз...

М. Р.: Ну, хорошо, давайте я вам расскажу. Пусть это будет на вашей совести.

В. Д.: На моей, на моей.

М. Р.: Я же жила тоже там, наверху, так? И мне было предложено переехать в квартиру, которую занимала раньше Розенель: она занимала несколько комнат на улице Кирова, которые были переделаны из конторы технической, бывшей ГУК. Переделывал это, вероятно, Наркомпрос. Наркомпрос переделывал. Это был... огромный коридор, где было одиннадцать комнат в одну и в другую сторону. И вот в одной из этих комнат, первой как раз комнате, смежные две — одна большая, другая меньше, принадлежали Розенель. И мне очень не хотелось туда переезжать. Не хотелось переезжать, потому что она была по своему внешнему состоянию... Первый этаж, переделанные комнаты, дощатые перегородки, никаких удобств, в конце коридора, населенная квартира, пятьдесят два человека и так далее... Но выхода у меня не было, потому что мансарда, где я жила, она была тесно связана с общей квартирой, я сама понимала, что я там оставаться не могу. Действительно, мне пообещали, что очень быстро мне поменяют эту квартиру. Но, должна заранее уже забегать, что, к сожалению, я в ней прожила сорок лет.

В. Д.: Сколько?

М. Р.: Сорок лет, да. И только через сорок лет, вот десять лет тому назад я получила новую квартиру, действительно сейчас очень хорошую, в новостройке на третьем этаже, прекрасная трехкомнатная квартира, где я живу сейчас. Но сорок лет я прожила...

В. Д.: Вот в этой комнате Розенель?

М. Р.: Да. Ну, это была не одна комната. Было потом даже три комнаты, потому что большую комнату переделали на две, и третья была, так что по площади это было достаточно, но это было, конечно, ужасное убожество, как я говорила, что это были буквальны трущобы. И жить так всю свою жизнь!.. Я не могла никого ни принять к себе, ничего, потому что все считают, конечно, что я живу замечательно и всё... Вот сорок лет я так прожила. Но не в этом дело.

Я хочу вам столкновение с Розенель. В день, когда я должна была переезжать, я себя чувствовала очень плохо. Муж приехал из Киева для моего переселения. Это была середина апреля 24-го года. А утром Розенель уже приехала с вещами, внизу уже расположилась. Квартира внизу уже была совершенно пустая. И я даже выходила другой лестницей, то что я даже через их квартиру не проходила. Я спустилась вниз, вниз — это, значит, с мансарды...



А. Луначарский и Н. Розенель. Источник: kulturologia.ru

В. Д.: Там деревянная лестница внутри.

М. Р.: Да. Постучала в кабинет Луначарского, можно ли войти. Он сказал: «Да». И стоял большой стол, еще ящики, кресла. Она сидела на столе, а он сидел на кресле, и между ними была большая коробка клубники. Ну, для меня в тот момент... клубника вот осталась на всю жизнь, потому что мы много лет не видели клубники, а тут еще плетеная корзинка была. Вероятно, она была прислана, ну, я не знаю, откуда. Это, конечно, не наша — апрель месяц.

В. Д.: Ах, ну да!

М. Р.: Да, и я попросила Анатолия Васильевича сегодня не уезжать, а уехать завтра. Он так довольно... отнесся, говорит: «Пожалуйста». Он очень мило ко мне отнесся, говорит: «Пожалуйста-пожалуйста. А когда вы хотите?» Ну, я говорю, потому что они заказывали машину: «Вот нужно машину заказать, пожалуйста». Она говорит: «Вы зря это делаете, потому что ваши

комнаты могут быть заняты, и тогда вы получите гораздо худшие комнаты». Ну, я была ошеломлена и говорю, что этого не может быть, потому что я на эти еле-еле дала свое согласие, но у меня другого выхода нет, и я ни на какие другие комнаты не... Тогда она к нему обратилась и говорит: «Да, но завтра машин не будет». Он говорит: «Нет, будут машины, будут. Мы завтра это устроим». И я уже хотела уходить, как в это время она на него... говорит: «Ну, ты ж понимаешь»...

” Ну, уж не знаю, как она там сказала, в общем, что он неправильно дал мне это разрешение. И тут же она схватила эту коробку — прямо в стенку! Ну, я так испугалась всего этого, и я сейчас же ушла.

Вот это был единственный... Конечно, протест против Розенель у меня был очень большой. И всегда, и потом. Я с ней непосредственно не встречалась, но все-таки были дома или были, может быть, учреждения, где мне приходилось в жизни своей бывать... В этой квартире я больше уже никогда не была. Помню, один раз я еще приехала еще за какими-то палками для штор, но она мне не дала эти палки, которые были для библиотеки нужны, потому что там оказалось тоже большое окно, в Историческом музее, а не было палок, но она не дала. Это вот было второе, но очень, так сказать, мимолетное. Но неприязненное отношение осталось у меня к ней на всю жизнь. К нему у меня не осталось, наоборот, действительно, вы правы, уж очень много о нем хорошего... Мне только очень жалко, что я, вероятно, не воспользовалась возможностью еще тогда, когда он был наркомом просвещения, что я к нему не пришла. Но я, вероятно, слишком была робка, несмотря на то, что я была и не робка (*усмехается*). Но, вероятно, для меня он казался настолько крупным и большим, что я боялась даже подумать о том, что я могла быть у него в кабинете. Потом, когда я уже...

В. Д.: Он был очень доступным.

М. Р.: Да, но во всяком случае, я не была. Я вот сейчас не так давно прочла «Новеллы моей жизни» Натальи Сац и увидела, сколько он сделал для нее и помог ей в организации ее театра. Я думаю, что он бы для библиотеки тоже помог. Кстати, у нас осталась одна-две записочки за его подписью с просьбой предоставить какие-то книги, так что он знал о библиотеке, но непосредственно я с ним отношений не имела.

Исторический музей и Парк культуры

В. Д.: Так. Теперь Исторический музей.

М. Р.: Исторический музей — это очень большой этап в развитии библиотеки. Библиотека сразу из захолустного учреждения превратилась в городское, настоящее столичное.

В. Д.: Вот теперь о людях. О людях, главное...

М. Р.: Во-первых, количество людей. Если там посещало в день несколько десятков, то здесь уже стали посещать сотни. Затем, эти курсы иностранных языков, которые дали возможность еще больше увеличить количество посещаемых. Затем, библиотека в это время начала искать себе читателей среди рабочих, организовала филиалы на заводах. Были организованы на АМО, на Электрозаводе, Динамо, «Серп и молот», ГПЗ, Шарикоподшипниковый, Станкозавод и целый ряд других. Оттуда переключились в Парк культуры и отдыха, потому что летом рабочие очень часто посещали... Тогда был открыт Центральный парк культуры и отдыха...

В. Д.: В 28-м году.

М. Р.: Нет, он еще раньше был. Раньше. Там была выставка, с 24-го, кажется, года, по-моему, была выставка...

В. Д.: С 23-го.

М. Р.: Или даже с 23-го. И там уже были павильоны книжные. В общем, в 26-м году мы уже вышли в Парк культуры и отдыха, а в 29-м вышли в первый раз с трубой граммофонной, лингафонная запись изучения иностранных языков, и очень привлекли такого широкого массового читателя.

В. Д.: А для чего граммофонная труба?

М. Р.: Лингафонная запись, курс, это еще Берлица, был у нас в нескольких экземплярах в библиотеке, и мы с преподавателем... выехали в Парк культуры и отдыха, и труба эта привлекала внимание посетителей, и там были организованы специальные кружки. При этом мы старались опролетаризировать наших читателей и именно дать тем, кому оно нужно было. А в дальнейшем, как вы знаете, было очень много иностранных рабочих, которые приехали в Советский Союз, и наши рабочие обязаны были как-то с ними общаться. И вот это вот первоначальное обучение и было... Разговорный язык для того, чтобы наш советский рабочий мог бы с иностранным рабочим говорить уже... ну, может, не говорить, но как-то понимать друг друга.

Отношения с Институтом иностранных языков

В. Д.: Маргарита Ивановна, значит, так сказать, все это время, вплоть до войны даже, все 30-е годы и уже 20-е годы библиотека и курсы иностранных языков — это еще все было как-то в ваших руках, или уже... Когда, собственно, Институт новых языков стал совершенно самостоятельным учреждением?

М. Р.: Нет, мы передали в 30-м году, и с 31-го года Институт стал самостоятельным. Действительно, мне лично предложили заведовать Институтом иностранных языков. Предложил еще Главпрофобр, Вышинский, который знал меня еще по прежним

годам и предложил мне возглавить с тем, что они будут помогать и так далее, а библиотека — самостоятельно. Но я сохранила за собой библиотеку. И первым директором Института иностранных языков была назначена Аникст. Это старая большевичка, соратница Ленина, мать Аникста и жена члена коллегии Госплана Аникста.

В. Д.: Я знаю его сына.

М. Р.: Да, он талантливый... Английская литература, Шекспир и так далее... И нужно вам сказать, что Аникст... А она, может быть, не зная всей истории, она первое, что сделала — закрытом порядке поставила перед Наркомпросом вопрос о передаче ей в институт библиотеки, которая породила этот институт. Но в Наркомпросе у меня были очень хорошие отношения (тогда заместителем Бубнова уже был такой Курц, он был когда-то потом председателем Интуриста, после Наркомпроса), и этот Курц вызвал меня, показал это закрытое письмо и написал «Рассекретить. Отказать. А библиотеку сохранить самостоятельно». И вот с тех пор у нас уже и с институтом этим не те взаимные отношения, которые могли бы быть у матери и дитя, а уже... уже... отношения в какой-то части были испорчены. Но это не помешало все-таки очень широко использовать библиотеку и библиотеке очень широко помогать Институт иностранных языков. Особенно вначале, когда у них не было своей библиотеки, книгами. Мы много передали им книг, особенно учебников.

В. Д.: У них есть все-таки своя подсобная библиотека?

М. Р.: У них своя, да. Ну, как у любого высшего учебного заведения. Они уже сейчас существуют... с 30-го... Сейчас сорок с чем-то лет, так что у них, конечно, большая своя очень хорошая библиотека. Они уже для учащихся менее нуждаются, но это не означает, что... Все учащиеся пользуются нашей библиотекой и все преподаватели пользуются нашей библиотекой. Я несколько раз делала у них доклады. Наши методические советы... у нас взаимные представители, у нас их был, у них свой был. Ну, а потом еще отпочковалось от этого института еще целый ряд других институтов, в других республиках, затем в других городах. По-моему, если я правильно скажу, сейчас существуют около двадцати институтов иностранных языков совершенно самостоятельных, которые готовят преподавателей иностранных языков для Советского Союза.

В. Д. (со смехом): Но вы их общая бабушка?

М. Р.: Да, безусловно. И я гордо об этом все время заявляю и документально это доказываю. Ну, на одном из «-летий» институт согласился, и в своем докладе один из новых директоров даже сказал об этом. Ну, а другие считают, что... Многие забыли... Да, вы знаете, история тоже забывается, не только забывается, но и фальсифицируется. Вот почему мне обязательно нужно дать воспоминания на основе уже документальных данных, для того, чтобы этой фальсификации, во всяком случае при моей жизни, не было.

В. Д.: Ну вот, вот на этом мы сегодня и остановимся.

М. Р.: Таким образом, библиотека стала родоначальницей целого ряда организаций, связанных с иностранными языками. Это есть образование по иностранным языкам, это есть переводы, это есть получение книг из-за границы, это есть издательская деятельность и это есть отделение районных библиотек, областных, краевых и даже республиканских библиотек целого ряда республиканских библиотек по всему Союзу.

В. Д.: Большое вам спасибо!